

Анастасия Флейтинг-Данн

Неудобно зла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Флейтинг-Данн
Первая раса. Не убоюсь зла

«Автор»

2026

Флейтинг-Данн А.

Первая раса. Не убоюсь зла / А. Флейтинг-Данн — «Автор»,
2026

! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ! . .
Может ли ребёнок, в одночасье лишившийся семьи, довериться чужаку, принимающему обличье волка? Найдёт ли оставшийся без попечительного телохранилища место в своём сердце для проблемного подростка? Ответы на эти вопросы ищут Эль и Винни: в одну ночь мир рухнул для них обоих, и теперь на руинах предстоит выстроить новый. Вот только сделать это не так просто, ведь мрак окружает не только снаружи, но и внутри... История становления дружбы уже знакомых персонажей «Первой расы» в классических традициях тропа «от ненависти до любви».

© Флейтинг-Данн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

###	6
####	19
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анастасия Флейтинг-Данн

Первая раса. Не убоюсь зла

Не убоюсь зла

####

When I'm down
On my luck and it just can't wait
Who do I call? My best bad friend
Who could be up this late?
No one at all, but my best bad friend
I'd do it for you
(Майкл Келли, Реймонд Гарви – Мой лучший плохой друг)

###

(не вижу зла)

1.

Холодный утренний ветер сжал в своих удушающих объятьях худенькое измождённое тельце, словно силясь раздавить его. Мальчик поёжился, освобождаясь от его оков, и открыл глаза. Улица была устлана густым непроглядным туманом. На камешках, выступающих из шероховатого полотна тротуара, блестела изморозь. Лужицы на обочине покрылись тонким ледком.

Будто слепой, читающий шрифт Брайля, мальчик пробежался пальцами по обжигающе-холодному асфальту. Только сейчас он понял, насколько замерз. Вздрыгнув всем телом, мальчик медленно сел. Тонкая суконная роба не защищала тело от ночного холода, и он принялся яростно растираться руками, оглядываясь по сторонам.

Мальчик не помнил, как очутился здесь, и теперь пытался найти хоть какие-нибудь ориентиры, готовые подсказать, где он находится. Но всё вокруг застилал туман, и только свет одуванчиков-фонарей помог разглядеть ему деревья и фонтан в паре метров.

За спиной послышался глухой звук, и мальчик резко обернулся. Тело бил озноб, вызванный то ли холодом, то ли страхом. Что-то было там, в тумане. И оно двигалось.

– Кто здесь? – вскрикнул мальчик, вглядываясь в густую тусклую завесу.

Ответом ему послужил глухой медленный топот, словно по улице шла невидимая лошадь. Мальчик вскочил на ноги. Он никого не мог рассмотреть за серой пеленой, и от этого становилось ещё страшнее. Выскочи сейчас из этого полотна любое существо, рождённое страхом, и душа его точно покинет обессиленное тело.

– Ты кто? – снова крикнул мальчик, постаравшись на этот раз придать своему голосу как можно больше уверенности. – Я тебя слышу!

– Ты не поверишь, – раздался совсем близко хриплый, тяжёлый бас, – но я тоже тебя слышу, так что можешь не надрываться.

В свет фонаря из тумана, совсем как корабль на зов маяка, выплыл огромный белый пёс, всем своим видом больше напоминая помесь волка с медведем, чем добродушного четвероногого любимца. Собака сделала ещё пару шагов навстречу мальчику и остановилась.

Стоило мальчику рассмотреть пса как следует, и он отшатнулся назад, и споткнувшись о бордюр фонтана растянулся на земле.

Густая белоснежная шерсть на морде, груди и лапах зверя была окрашена в бурый цвет. Мерзкая жижа испачкала лохматую шубу животного, и длинная, слипшаяся шерсть свисала сосульками. Зверь источал отвратительный запах железа.

Мальчик попятился назад, но пёс не предпринял ни единой попытки приблизиться к ребёнку. Он стоял под фонарем и тяжело дышал, не сводя с него горящих недобрым огнём глаз.

Мальчик принялся озиаться по сторонам в поисках хозяина этого чудовища.

– Ищешь ублюдка, по чьей вине ты здесь? Его уже не найдешь. Потому что, – огромный пес оскалился, словно в злой улыбке, – потому что я его съел.

Перед глазами мальчика пробежали, словно запечатлённые на киноплёнку, события ночи. Предсмертные образы родителей лезвием полоснули по вискам, и он весь сжался в комочек, пытаясь подавить рвущиеся наружу слёзы. Дрожь пробилась с новой силой, и мальчик обхватил себя руками в надежде унять её.

Всё это время пёс, хотя голова его и была склонена к земле, не сводил злого взгляда с ребёнка. Его мощное тяжёлое тело покачивалось из стороны в сторону. Видимо, и ему было не очень хорошо. Широко расставленные ноги, заканчивающиеся лапами размером с небольшую дыню, силились удержать хозяина и не дать ему упасть.

Мальчик всё же сумел справиться с дрожью. Он поднял перепуганный взгляд на собаку и осторожно спросил:

– Ты кто?

– Меня зовут Винзиэль Четвёртый, – ответил пёс.

Мальчик непонимающе заморгал. Не может такого быть. Винзиэль – так звали мужчину, который повсюду сопровождал Рису, его маленькую подругу. Собаку назвали как и того зловряка? А как она вообще разговаривает?

– Я – тот, кого люди называют демонами, – продолжал вещать пёс. – Я был призван на службу семьёй Ильтис, чтобы защищать их дочь от плохих людей. Но единственным, от кого бы её стоило защищать, оказался её отец. – Собака снова осклабилась. – Сейчас этот отброс варится в моём желудке, и от этого мне отвратительно.

Мальчик не сводил с пса испуганного взгляда, а тот продолжал:

– Видишь ли, обычно демоны питаются людьми, которых им приносят в жертву. Мы делаем это, чтобы зарядиться жизненной энергией человека, стать сильнее. Но видимо, этот улюдок прогнил до мозга костей, если теперь мне так плохо.

Внезапно спина демона выгнулась, его тело задёргалось, будто в конвульсии. Монстра вырвало багровым месивом из кровавых сгустков и непереваренных кусков человеческого мяса.

Для психики мальчика это зрелище стало последней каплей. К горлу подкатила тошнота, спазм, сотрясший мышцы живота, расслабил пищевод, и всё содержимое желудка вперемешку с желчью устремилось наружу. Он закрыл рот рукой, и рвотные массы потекли по ладоням.

Огромный пес, протошнившись, наблюдал за согнувшимся пополам ребёнком. Тот, не отнимая рук ото рта, медленно поднялся по ступеням фонтана к бассейну. Мальчик долго умывался, пытаясь удалить с себя остатки рвоты, страха и отчаяния. Когда он закончил, то некоторое время стоял, упершись руками в борта бассейна. Струйки воды, стекающие с мокрых волос, смешивались со слезами и затекали под робу.

– Ийэ, – всхлипнул мальчик. – А́а¹!

Вдалеке раздалась глухая раскаты грома. Винзиэль осмотрелся. Хотя голова гудела, и он плохо соображал, внутренний голос подсказывал ему: нужно уходить, и куда подальше. Выше всех домов, подсвеченная светом прожекторов, белела башня католической церкви. Винзиэль направился к ней.

– Ты куда? – слабо спросил мальчик.

– Подальше отсюда, – ответил демон, не сбавляя шаг. – И тебе советую сделать то же самое, если собираешься пережить сегодняшнюю ночь.

Он прошёл несколько метров, затем всё же остановился.

– Идешь?

Мальчик нерешительно топтался на месте. Явно боялся идти следом, но и остаться в одиночестве было страшно.

– Дело твоё, – Винзиэль Четвёртый повернулся к ребёнку спиной. – Уговаривать не стану.

Гроза приближалась. Небо освещалось вспышками молний, тусклыми из-за тумана. Широкие лапы демона отбивали по мощёной мостовой глухой стук твёрдыми подушечками. Он всё ещё чувствовал слабость, но теперь изнутри его больше не отравляли останки бывшего работодателя.

¹ Мама, папа (*саха тыла*)

На углу улицы Винзиэль остановился, и его ещё раз вытошнило. С удовлетворением отметив, что в желудке не осталось ни следа человечины, он продолжил путь.

К церкви Винзиэль подошёл со стороны башни. Здесь был выход на центральную улицу, и он свернул во двор. Там, спрятавшееся в тени белоснежного костёла, стояло одноэтажное строение, напоминающее барак. «Община святого Ремигия», гласила вывеска над входом, а дверь, ведущая внутрь, была утоплена в стену так, что над ней возвышался козырёк чердака.

На землю упали первые дождевые капли, и Винзиэль поспешил укрыться под козырьком. Здесь он свернулся в клубок, мечта побыстрее уснуть. Голова кружилась, как если бы он выпил слишком много спиртного. Но даже несмотря на отвратительное состояние, его мысли устремились к маленькой хозяйке.

Винзиэль вспомнил их разговор пару недель назад. Тогда он впервые заметил, что на ней больше нет голубой подвески-капельки – его вместилища.

– ...Малышка, куда ты дела подвеску?

– Не сердись, Винни. Я её отдала, – отвечает она ласково, но твёрдо.

– Кому? – вспыхивает он, несмотря на просьбу хозяйки. – Этому мальчишке? О чём ты только думала?!

Девочка не отвечает, и Винзиэль понимает, что перегнул палку. Он опускается на колени перед девочкой, берёт её за плечи и мягко укоряет:

– Зачем ты это сделала? Теперь я не смогу защитить тебя, когда будет необходимо!

– Ему нужна помощь больше, чем мне, Винни, – девочка кладёт руки ему на щёки. – Я прошу: защити его, а за себя я смогу постоять сама...

Он так явно ощутил прикосновения её тёплых ручек, что невольно зажмурился.

Снаружи поднялся ветер, и гром стал отчетливее. Стук капель участился. Винзиэль тяжело поднялся на ноги. Как ни крути, хочется ему того или нет, а мальчишка теперь его хозяин. Теперь Винзиэль просто не имел права оставлять его одного, на чужих улицах, под дождём. Злость на самого себя и ситуацию в целом придала ему сил, и он, чуть пошатываясь, потрусил обратно.

Мальчика возле фонтана не было, и Винзиэль, чертыхнувшись, принялся обнюхивать землю и воздух. Вокруг всё наполнил разряженный озон, перебивая запахи улицы. Но один всё же выбивался из общей однообразной картины – тонкий, едва уловимый аромат сандала. Винзиэль жадно потянул носом, следуя за невидимым следом.

Запах вывел его к небольшому парку на параллельной улице. Мальчик брёл по дорожке, обхватив себя руками и ёжась от холода. Услышав за спиной глухую поступь, он обернулся. Некоторое время они стояли молча, глядя друг на друга. Затем Винзиэль подошёл к новому хозяину. Мальчик попятился, но тот проворчал:

– Не собираюсь я тебя жрать, можешь не беспокоиться. Риса бы мне этого не простила.

– Риса... – эхом откликнулся мальчик.

– Она – моя хозяйка, – Винзиэль коснулся носом руки ребёнка. – Я был её охранником. Но она передала меня тебе, и теперь я буду охранять тебя. Теперь ты – мой хозяин.

Мальчик помедлил, а затем достал из-под перепачканной кровью униформы подвеску – голубую каменную каплю, напоминающую слезинку.

Дождь усилился. Винзиэль поднял глаза к грозовому небу.

– Нужно спрятаться, – он повернулся к мальчику спиной. – Садись.

– Куда?

– На спину, – терпеливо пояснил Винзиэль. – Ну же!

Минуту назад мальчик без колебаний бросился бы бежать прочь от этого существа, но имя Рисы было синонимом слова «доверие». Он вскарабкался на собаку как на пони, и Винзиэль понёс его к найденному ранее убежищу.

Дождь стучал по крыше здания, и в нишу дверного проёма задувал ветер. Огромный пёс отряхнулся, разбрызгивая в сторону крупные капли.

Мальчик ёжился в сырой одежде. Винзиэль улёгся на землю, кивком головы подозвал ребёнка к себе. Тот с некоторым недоверием устроился рядом, но через какое-то время расслабился, утопая в нагревающейся собачьей шерсти.

– Ты прямо как грелка, – пробормотал он.

– Если хочешь, могу стать погорячее, – Винзиэль вглядывался во мрак, царящий снаружи.

– Не нужно.

Некоторое время мальчик молчал, а затем, вытянувшись, добавил:

– Меня зовут Терранс.

– Риса называла тебя иначе, – Винзиэль даже не взглянул на него.

Мальчик не ответил, словно раздумывая. Наконец он вздохнул и прижавшись к мягкому животу пса негромко пояснил:

– Она называла меня «Эль». Это моё прозвище.

– Понятно. Тогда и я буду тебя так называть. Это короче. Быстрее произносить.

Мальчик промолчал. Прошло некоторое время, и пёс сказал:

– Ты можешь звать меня «Винни». Так меня тоже Риса называла. И тоже коротко.

– Хорошо... Винни.

– А теперь спи. Утром рано вставать. Нужно уходить отсюда поскорее. Я знаю, – Винни резко оборвал открывшего было рот Эля, – но я пообещал ей позаботиться о тебе. И, как бы тяжело мне не давалось это решение, моя первостепенная задача – обеспечить твою безопасность. Поэтому мы уйдём, как только рассветёт.

– Куда?

– Это решим утром, – отрезал Винни. – А сейчас спи. Ну же!

Повисла тишина, нарушаемая лишь раскатами грома и шумом дождя. Мальчик под боком дышал глубоко и ровно, и Винни, успокоенный его дыханием, опустил голову на мощные лапы. Усталость и болезненная слабость сковали тело, и он погрузился в сон.

Не прошло и часа, как его разбудили: мальчика душила истерика. Он выгнулся дугой, захлебываясь в рыданиях.

– *Ийэ!* – выл Эль на незнакомом Винни языке. – *Ийэ, барыма! Бырастыы гын миигин!*

Винни сглотнул ком в горле. Произошедшее сегодня оставило слишком сильный отпечаток на мальчишке, чтобы он мог спокойно спать. Он подставил большую голову под дрожащие детские руки.

– Ну что ты, парень, – неловко пробормотал Винни, тычась носом в мокрые ладони. – Ты же мужчина. Всё образуется. Ну же, не плачь. Вот так, – сказал он, когда всхлипывающий мальчик начал постепенно обмякать. – Всё будет хорошо. Мы справимся.

Снаружи бушевала гроза.

2.

– Значит, ты – англичанин?

Винни старательно пережёвывал тост. От прямого взгляда нового подопечного было немного неловко: мальчик сверлил его своими глубокими аметистовыми глазами, словно надеясь проделать в нём дыру.

Осунувшийся двенадцатилетний подросток и высокий коренастый мужчина сидели в кофейне где-то в центре Бонна. Винни улыбнулся подмигнувшей ему молоденькой официантке, и снова повернулся к мальчику. Тот сглотнул и отозвался:

– По отцу. Как ты понял?

– Терранс, кажется, английское имя. Или американское? Не важно. Как тебя звали домашние? Терри?

– Меня звали Терранс, – мальчик отчеканил каждое слово, но тут же добавил уже мягче: – Мама звала «*Tugut*».

– Оленёнок? На каком это языке?

– На саха тыла. На якутском, – пояснил мальчик выпучившему глаза Винни. – Моя мама якутянка... была.

Винзиэлю всегда казалось, что ничто в мире людей не способно удивить его. Но встретить в центре Европы человека, наполовину относящегося к не просто другой – абсолютно чужой и неизвестной культуре – этого он никак не ожидал.

– Таких, как я, называют «*баахынай*», то есть якут лишь наполовину.

– Ты хорошо говоришь на этом языке?

– Достаточно, чтобы понимать разговор и поддерживать простыми фразами.

Есть совершенно не хотелось, и Эль уныло ковырял вилкой тоненький крестьянский омлет. Разговор о родителях хоть и создал ощущение их незримого присутствия, но то была лишь иллюзия. От пустой болтовни мама с папой не восстанут из мёртвых.

Тем временем официантка принесла Винни чашку кофе и бисквитное печенье. К её огорчению, мужчина был слишком занят своим маленьким собеседником и не удостоил её должного внимания.

– Почему же тогда «Эль»? – прервал Винни размышления мальчика, и тот вяло ответил:

– По первой букве фамилии – Лейк. Так звали меня друзья, когда мы... ещё не путешествовали. – Эль помолчал немного и задал встречный вопрос. – Ну а ты?

– Что я?

– Ты настоящий демон? Ну, то есть, Ад и всё такое...

– Не совсем. Мы просто не такие, как вы. Не из этого мира.

– То есть?

Винни вздохнул. Как просто, когда люди верят в демонов и иже с ними. Зачем мальчишке нужны эти подробности про то, что они на самом деле мушламы? Всё равно никто из них не помнит, как они попали в мир людей. И не многие знают, что для управления ими придумали священную книгу «Сефер Кешет», в которой расписали, что мушламы делятся по чинам, рангам, когортам. И уж точно не каждый осознаёт, что это брехня собачья, сделанная по заказу шалгаров-егерей: чем больше фанатеешь по чему-то, тем легче поставить над тобой управителя и заставить подчиниться. «Нет над мушламами никаких князей, – говорил старый Контролёр. – Был один Бог, да и тот от нас отказался».

– Как это? Бог отказался от своего народа? Звучит странно.

– Да, легенды не всегда логичны, – улыбнулся Винни, мысленно отгоняя воспоминания. – Наш народ якобы стал неконтролируем и неуправляем, и в конце концов Бог бросил нас на произвол судьбы.

Эль внимательно слушал и только диву давался. Расскажи ему кто-нибудь, что лично встречался с таким вот демоном-мушламом, он бы без тени стеснения поднял рассказчика на смех. Но утром огромный волк – Винни запретил называть себя «собакой», «псом» и «дружком» – превратился на глазах у мальчика в молодого мужчину, того самого, что повсюду сопровождал Рису. Теперь парнишка в очередной раз спрашивал себя, не тронулся ли он рассудком после ночных событий.

– У дем... мушламов нормально – принимать человеческий облик?

Винни только сейчас обратил внимание на возникшую невесть откуда чашку. Заозирался в поисках официантки, но девушка вышла из зала за заказом.

– Это не просто нормально, – он протянул мальчику принесённый вместе с капучино бисквит, – это естественно. Мы с рождения принимаем ту форму, которую поддерживают наши матери. Если мать находится в «человеческой» форме, то и младенец тоже. Когда мать обращается в животное, ребёнок автоматически меняет внешний вид.

Рассказ Винни заинтересовал Эля, и он заёрзал в ожидании новых подробностей.

– А ещё, – мушлам сделал глоток кофе, – ребёнок может быть непохожим на родителей. Скажем, у антилопы гну может родиться детёныш, принимающий форму дикдика.

Щёки мальчика порозовели, и он фыркнул.

– Дикдика?

Винни принял строгое выражение лица:

– Британский юмор, очень смешно. Не рановато ли знать такие слова?

Эль принялся за бисквит, задорно глядя на Винни. А тот благоразумно не стал говорить мальчику, что его первая реакция на название очень маленькой антилопы была такой же: ни к чему начинать с такого².

– Так вот, звероформа детей будут принадлежать к тому же семейству, что и звероформа родителей. Но они могут очень сильно отличаться внешне. Понимаешь?

– Да, кажется. А вы появляетесь на свет так же, как и люди?

– Именно, – кивнул Винни, – только период вынашивания детёныша у самок длится несколько короче.

– Ты подбираешь такие слова – «детёныш», «самка»... – Эля передёрнуло.

– Со временем дети учатся принимать облик животного независимо от матери, – Винни пропустил замечание мальчика мимо ушей. – Но есть ещё одна форма. Кто-то называет её промежуточной, кто-то, наоборот, высшей точкой. Это своего рода симбиоз между человеческим обликом и обликом животного. Наша звероформа.

Они посидели ещё немного. Винни отошёл рассчитаться с официанткой, с удовлетворением отмечая, что слушая его рассказы мальчик с большим аппетитом взялся за омлет. Эль же покончил с завтраком и не стесняясь зевнул. Давно он так плохо не спал. Да и как в принципе можно спать спокойно после того, как на твоих глазах убили родителей и маленькую подругу? Обида и горечь встали комом в горле, и чтобы хоть как-то отвлечься, Эль повернулся к окну.

Снаружи люди спешили по своим делам, ездили машины, клевали выброшенную булку голуби. Всё как обычно, все на своих местах и все при деле. Город за окном жил, подавая мальчику пример. В воздухе мелькнул запах дыма с примесью горькой полыни, и, несмотря на боль утраты, на миг ему стало теплее. Эль тяжело вздохнул и поспешил к Винни, ждущему у дверей.

Возле входа в замок сустились какие-то люди, из дверей выносили чёрные мешки. Курящая на крыльце женщина рывкнула на оступившегося на скользкий ступенях человека, и тот поспешил выровняться. К женщине подошёл светловолосый широкоплечий мужчина. Он недобрым взглядом оглядел территорию замка и что-то сказал хозяйке. Та кивнула и стряхнула пепел в его услужливо подставленную ладонь.

Винни жадно вдыхал воздух. Запах его девочки, напоминающий миндаль, практически не ощущался: всё перекрывал смрад разложения. Винни напрягся всем телом, слушая вибрации вокруг. В радиусе пятисот метров он насчитал два детских сердца – Эля и Люциуса, пять сердец взрослых и мощные, напоминающие удары молота о наковальню ритмы Самаэля. Ни

² Игра слов: английское *Dik-dik* созвучно со словом *Dick*, на сленге обозначающим мужской половой орган.

Рисы, ни Люмы. Винни с тоской оглядел стены замка. Его девочки пропали. Возможно даже... Сердце наполнилось свинцовой тяжестью, и Винни издал тихий скулящий звук. Самаэль тут же отреагировал: напрягся и заозирался. Волк поспешно отступил от ограды на пару шагов.

Тела людей погрузили в кузов чёрного пикапа. Почувявший неладное Самаэль спустился с крыльца, вынуждая Винни спрятаться в кустах.

– Ну, что там? – с тревогой потянулся к нему Эль.

За оградой зашумел мотор пикапа.

– Ничего. И никого, – ответил Винни, не сводя глаз с замка.

Надежда в глазах мальчика угасла. Мушлам мягко подтолкнуть его, ведя уходить, и Эль, понуриив голову, подчинился.

Они молча шли через лес. Земля под ногами раскисла от ночного дождя. Ветра не было, но холодный воздух заставлял дрожать. С деревьев падали крупные капли.

«Амод! – раздался голос в голове Винни. – Постой!» Он тут же замер, прислушиваясь. Это был не зов человека. То был голос мушлама.

Эль тоже остановился в ожидании дальнейших указаний. Винни напряжённо вслушивался в происходящее на астрале, жестом веля мальчику молчать. А голос всё приближался: «Анахну ирихим ледабер. Нам нужно поговорить».

– Малец, – Винни задрал голову к небу, – а ну марш вниз.

– Что? Почему?

– Вниз по склону, говорю. Давай двигай и не оборачивайся. Я догоню.

Эль не двинулся с места. Винни издал глухое рычание:

– Шевелись, салага! Я больше повторять не буду!

В этот раз Эль подчинился. Он припустил вниз, как-то несуразно подпрыгивая. Винни проводил его взглядом, а сам потрусил в гущу подлеска. «Ани шомеа отах. Я слышу тебя», сообщил он невидимому собеседнику. Почему, почему... Потому что даже он сам побаивался летучей мушламы.

Сверху зашумели ветви, и что-то напоминающее гигантскую сову рухнуло на землю. Винни поспешно отскочил в сторону. А существо уже поднялось на ноги и расправило крылья, принимая вид женщины неопределенного возраста, с огромными жёлтыми глазами. В бело-снежных волосах то тут, то там проглядывали чёрные пряди.

– Тебе теперь не стоит здесь светиться, Ревии, – голос женщины был похож на отголосок эха. – Если Самаэль найдёт тебя, то порвёт на клочки.

– Ты только за этим пришла, Офаниэль? – Винни старался говорить как можно твёрже. – Только чтобы припугнуть этим ублюдком?

Женщина пристально смотрела на него, а затем, к удивлению Винни, вздохнула.

– Тая вывезла девочку вчера ночью, сразу после происшествия. Хозяин был с ней. Он сказал, Риса, кажется, ещё была жива, когда её выбросили.

– Выбросили?!

Офаниэль не ответила, и Винни сглотнул.

– А Люма? – нервно спросил он. – Что с ней?

Мушлама промолчала, подбирая слова. Затем осторожно сказала:

– Ты ведь знаешь, он по обыкновению заставлял её ждать в кабинете... Мне очень жаль.

Отчаяние накатило душной волной, и Винни, весь изогнувшись, заскулил. Мушлам погибает вместе с хозяином, это закон. Вчера он собственноручно прикончил Кейла, а значит, вместе с ним и...

Винни беззвучно плакал. Его девочки, его солнышки погасли. Погребены вместе с мечтами о будущем, семье и свободе. Ещё вчера маленькая Риса обнимала его, утыкаясь лицом ему в грудь. Ещё вчера он целовал Люму, шепотом обещая, что скоро они сбегут. А сегодня остался ни с чем.

– Спасибо за сведения, Офаниэль, – едва слышно произнёс он. – Мне пора уводить хозяина, так что...

Винни отвернулся и стал спускаться вниз. Его трясло, и он старался дышать глубже и ровнее. Нельзя, чтобы Эль видел, как ему паршиво. Он – охранник, и должен оставаться спокойным и хладнокровным вопреки всему.

– Этот мальчик связан с твоей хозяйкой, – врезались ему в спину слова мушламы.

– Они были хорошими друзьями.

– Нет, они не были друзьями.

Винни оглянулся.

– Любовь – очень сильная вещь, – продолжала Офаниэль, поставив лицо поднываемому ветру. – Она способна подтолкнуть к великим делам, победам, творениям. Но она так же может уничтожить. Мальчик в один миг остался без родителей, потерял ту, что стала для него дороже всего. Я мало чего понимаю в человеческих чувствах, но одно знаю точно: его любовь может сжечь его заживо. Не дай ему сгореть.

Холодный ветер взъерошил перья на белоснежных крыльях женщины. Офаниэль сощурилась и нахохлилась, ещё больше напоминая сову. Винни жадно втянул носом свежий воздух, насыщенный влагой.

– Скоро будет дождь, – выдохнул он. – Нам правда пора. Передай Люциусу: я его никогда не забуду.

– Непременно передам.

Винни сглотнул слёзы, и с трудом улыбнулся.

– Спасибо ещё раз, Офаниэль. Прощай.

– Прощай, Винзиэль Ревии, – женщина тоже выдавила некоторое подобие улыбки. – *Бэ эзрат Эль*. Пусть Бог оберегает вас.

Она расправила крылья и взмыла вверх. Быстрые потоки воздуха подхватили её, и она растворилась в высоком небе.

– У мушламов нет бога, – пробормотал Винни, глядя ей вслед.

Эль ждал внизу у тропы. Он, кажется, успел проплакаться, пока спускался. Винни вздохнул, положил руку на плечо мальчика и прижал его к себе.

– Пора уходить, салага, – негромко сказал он. – Здесь нам делать больше нечего.

Эль печально кивнул, и они вдвоём скрылись за деревьями.

3.

Со дня побега из Кёнигсвинтера прошло уже больше двух недель. Молодой мужчина и мальчик-подросток постепенно продвигались на восток, покрывая за день примерно по тридцать-сорок километров: ближе к вечеру, когда начинали сгущаться сумерки, Эль садился на Винни верхом, и они шли до тех пор, пока не становилось совсем темно. Ночевать приходилось в подворотнях, на скамьях, под мостами, и каждый раз огромный белый волк служил мальчику матрасом, одеялом и грелкой одновременно.

Почти каждую ночь Эля тревожили ночные кошмары, и он ворочался, вскрикивал, порой начинал плакать. И каждый раз Винни выжидал некоторое время, давая подопечному возможность самому справиться со своим горем. Обычно десяти минут вполне хватало, чтобы Эль успокоился и снова погрузился в сон, но иногда Винни приходилось подолгу успокаивать хозяина, чтобы унять очередную истерику.

В одну из ночей задремавший Винни внезапно проснулся. В первый миг ему показалось, что его разбудил глухой раскат грома. Он поднял голову, вслушиваясь в звуки ночи. Вот

порыв ветра прошуршал в речной воде: коротать ночь им пришлось в этот раз под мостом. А в нескольких метрах над головой грохотали редкие машины

Но звук, заставивший Винни проснуться, резко выбивался из общей картины. Он повторился, и мушлам понял: то, что он принял за гром, было надрывным кашлем. Винни заморгал, прогоняя сон.

Закутавшимся в мешковатую армейскую куртку мальчик лежал спиной к нему. Он разрился очередным приступом кашля, обхватил себя руками, дрожа всем телом. Когда Винни позвал его, Эль ответил слабым, пустым взглядом и тяжело выдохнул.

– Ты как, парень?

– *Миэхэ мүлүүн...* – слабо пробормотал мальчик, кутаясь в куртку.

Винни не потребовалось даже подключать свой внутренний распознаватель языков, чтобы понять: Эля знобило. Мушлам протянул к нему переднюю лапу, тут же принявшую очертания человеческой руки, и ощупал лоб ребёнка. Кожа под его пальцами горела. Винни окончательно принял облик мужчины и принялся озираться.

– Так, парень, – он подхватил Эля на руки, как котёнка в свертке, – пойдём-ка.

Мысленно он ругал себя на чём свет стоит за глупость и недогадливость. На что он надеялся, заставляя мальчика проводить длинные, иногда бессонные ночи на улице? Что тот схватит воспаление лёгких, и уже не будет висеть ярмом на шее? А ведь Винни на протяжении недели замечал, что Элю нездоровилось: парнишка покашливал, иногда ёжился ни с того, ни с сего. Он же это видел, но старался не замечать, кретин. Винни даже зубами скрипнул от злости на самого себя.

– Ничего, парень, – бормотал он, крепче прижимая к себе Эля. – Сейчас найдём место, где можно удобно расположиться, и я тебя подлатаю.

Мальчик не ответил, и Винни ускорил шаг. Как назло место для ночёвки он выбрал не самое благоприятное: окраина промышленного района, где не то, что отелей – маленьких гостиниц поблизости не было. До ушей его донёсся тяжёлый гул поезда. Винни прошёл ещё пару метров и остановился.

Над домами возвышалось светло-серого цвета четырнадцатэтажное здание. Оно резко выделялось на фоне остальных строений, да и находилось возле вокзала. Винни поудобнее перехватил Эля и взял курс на строение. Оно постепенно выплывало из-за соседних домов, и мужчина смог разглядеть забитую парковку и расслышать звук катящихся по асфальту колёсиков чемодана.

Последние несколько метров Винни преодолел едва ли не бегом. Прозрачные двери разъехались перед ним, пропуская внутрь. Девушка за стойкой регистрации с подозрением взглянула на взъерошенного мужчину, держащего в руках завернутого в куртку мальчика. Винни пришлось потратить немало сил, пока под воздействием гипнотического голоса рука администратора не потянулась за ключом.

В комнате мушлам отшвырнул куртку в дальний угол и уложил Эля в постель. Мальчик тяжело выдохнул, обдав его горячим дыханием.

– Давай-ка мы разденемся, – Винни принялся расстёгивать его тонкую куртку.

Он старался не обращать внимание на собственной манере речи: так он разговаривал с маленькой Рисой. Винни раздел мальчика до пояса и, поддерживая, помог ему сесть. Эль застонал, когда пальцы мушлама коснулись его спины.

– Не бойся, я тебя быстро подремонтирую, – пробормотал Винни, простукивая мальчику позвонки грудного отдела.

– Что ты... делаешь? – хрипло спросил Эль, и при вдохе послышался звук, как если бы кто-то сжал кусок полиуретана.

– Это называется техникой эмоциональной свободы, – Винни говорил негромко, прислушиваясь к каждому соприкосновению с телом мальчика. – Её прозвали «иглоукалыванием»

без иголок». В общих чертах, я ищу на твоём теле определённые точки, которые помогут ему самоисцелиться.

Эль не ответил, лишь склонил голову ниже.

– Так плохо? – участливо спросил Винни. – Погоди немного, сейчас станет легче.

Он принялся бормотать что-то несвязное. Каждое его прикосновение словно оставляло горячий след на теле Эля, причиняя ему тупую боль. Мальчик вздыхал и сжимал зубы. В какой-то момент он уже не мог различить постукиваний пальцами по спине и словно провалился в темноту. Он чувствовал лишь, будто горячее кольцо просачивалось сквозь кожу, уходя вглубь. На миг ему показалось, что лёгкие обдало горячей волной, и в груди зародилась тёплая пульсация.

– А теперь восстановим твою терморегуляцию, – голос мушлама доносился до него словно издалека, а на лоб опустилась широкая ладонь.

Винни провозился с Элем ещё около часа. Он растирал его тело, надавливал на какие-то точки, иногда поглаживал по спине. Наконец позволил мальчику лечь.

– Теперь спи, – велел Винни, накрывая его простыней. – Завтра будет полегче.

– *Эн илинг мин ийэм гиэнин курдук сымнаҕас.*

Мужчина усмехнулся: слишком лень было активировать область Вёрнике, отвечающую за перевод.

– Ты не поверишь: я ни слова не понимаю из того, что ты мне говоришь, парень.

– У тебя руки мягкие, как у мамы, – сквозь сон пробормотал мальчик.

Винни замер. Эль безмятежно засопел, лицо его приобрело румянец. Винни погладил мальчика по голове. Губы мужчины растянулись в улыбке.

– Мне, наверное, больше подойдёт роль няньки, чем телохранителя, – сказал он с укором. – Слишком уж быстро привязываюсь к ним.

Эль ещё спал, когда Винни вышел в город. Субботним утром улицы были пусты, тем более в промышленном районе. День обещал быть солнечным: на небе ни облачка, легкий ветерок. Ветер гнал по дороге опавшую листву.

Осень полностью вступила в свои права: воздух был холоднее и свежее, чем обычно. Надо бы позаботиться о постоянном пристанище. Винни-то было всё равно, он мог спокойно бродяжничать в виде собаки. А вот мальчишке без крыши над головой долго не протянуть. Взять хотя бы его пневмонию – в том ведь была вина Винни.

Легко присматривать за ребёнком в доме, где есть все удобства. Тем более если хозяин в столь юном возрасте. Твоей основной задачей становится лишь исполнение роли товарища по играм. И то, если захочет хозяин. Люциус, например, держал Офаниэль в её вместилище, выпуская размяться лишь по ночам.

Риса же с удовольствием проводила время с Винни. Он тоже любил девочку всей душой, следовал за ней по пятам словно тень. В малышке было что-то, что с первого взгляда покорило Винни. Он улыбнулся, вспоминая, как ругалась четырёхлетняя девочка, когда он сообщил, что в его обязанности входит уход любого вида.

«Не смей ходить за мной в ванную! – словно медвежонок ревела она. – Я уже взрослая! Я буду мыться сама!»

«Малышка, твои родители велели мне делать всё. Если они узнают, что я не выполняю своих...».

«С ними я разберусь сама! Не смей, слышишь?»

Улыбка Винни вышла печальной. Ему не хватало тонкого голоса девочки, её теплых прикосновений, детских ласк. Не хватало её любви. Он хотел снова впрячься в санки и катать

свою малышку по двору. Снова встречать с ней рассветы на крыше. Убегать по ночам в лес и ловить светлячков... Винни вздохнул.

Нет, присматривать за Рисой было совсем не тяжело. Может быть, лишь по началу, когда его, подготовленного по курсу GSG 9/1³ солдата, приставили к четырелетней девочке. Первые пару недель обоим пришлось несладко: Рису нужен был друг добрый и ласковый, как она сама, а Винни был чем угодно, но не ласковым другом. На его счастье, рядом всегда была готовая прийти на помощь Люма...

Перед глазами встал силуэт женщины, старательно приглаживающей шерсть на огненно-рыжем хвосте. Люма была старше, и первое время относилась к нему как к глупому щенку. Но благодаря тому, что Винни быстро обучался науке обращения с Рисой, её любимицей, мушлама вскоре посмотрела на него совсем с другого ракурса.

«Ты любишь меня?»

«Женщины любят ушами, да?»

«Мне нужно это знать. Пожалуйста. Ты меня любишь?»

«Конечно, люблю. Девочка моя, рыжик. *Ahyvati*».

Винни заскулил. В один миг он лишился двух своих звёздочек, ради которых был готов пожертвовать своей жизнью.

Теперь же на смену девочкам пришёл мальчик, и Винни предстояло учиться любить заново. Только в этот раз не очень хотелось...

Возле отеля тянулась целая улица со всевозможными магазинами. Винни ненадолго задержался возле витрины салона электроники, где были выставлены старые консоли и картриджи. Его внимание привлекло маленькое пластмассовое яйцо с миниатюрным экраном. Там-гочи, электронный питомец, за которым предстояло заботиться едва ли не двадцать четыре на семь. Такой был у мушлама Заирэля, его приятеля по учебке. Болтался на поясе, возле кобуры. Как же давно это было...

В конце улицы расположилась пиццерия. «Свожу туда мальчишку, ему будет приятно». Эта мысль вызвала улыбку у Винни. Нужно бы связаться с ним, узнать, всё ли у него нормально. Они с Рисой периодически практиковали телепатическую связь, в тех случаях, когда не могли находиться вместе. Например, на приёме у врача или за семейным ужином.

Винни и теперь, по привычке, вперил взгляд в пространство перед собой, сосредотачивая свои мысли на Эле.

«Ты уже встал? Я скоро приду».

В ответ – тишина. Винни сдвинул брови. Обычно телепатия проявляется как посторонние мысли в голове. Тот, кто получает такое сообщение, тут же начинает мысленно реагировать, и так устанавливается связь. Мальчишка же не реагировал никак. Нехорошо. Такое чаще всего происходит в одном случае...

«Эй, парень, – настойчиво пытался пробиться через эфир мушлам, – у тебя всё в порядке?»

Эль не отвечал. После ещё одной попытки Винни развернулся и поспешил обратно в отель. На ходу он мысленно попытался подключиться к телефону в номере, но тщетно. Не ответив на приветствие девушки-регистратора, Винни пулей влетел по лестнице – лифт был занят – на седьмой этаж.

Он на бегу просканировал коридор и комнаты на этаже на присутствие других мушламов или егерей. Если его внутренний сенсор не обманывал, то мальчишка был в номере, живой и здоровый. Винни повёл рукой, и дверь в комнату под воздействием его ментального приказа распахнулась.

³ GSG 9/1 (нем. Grenzschutzgruppe 9) – подразделение спецназа Федеральной полиции в Германии. Оперативный отряд GSG 9/1 специализируется на проведении антитеррористических действий в стандартных условиях.

– Тамагочи! – ещё на пороге обеспокоенно позвал он. – Ты здесь?

Ответом послужил плеск воды в ванной комнате. Винни выдохнул, закрыл дверь в номер.

Эль плескался ещё минут двадцать, судя по тому, что мушлам успел посмотреть серию ситкома про «ужасно милую семью». Наконец мальчик вышел из ванной, впуская в комнату белое облако пара.

– *Мин тангара*, – восторженно проговорил Эль, суша волосы полотенцем, – я уже и забыл, как хорошо быть таким чистым.

Винни отвёл глаза. В то время, как члены семьи Ильтис жили в роскоши, Эль с родителями спали на соломенных матрасах, а душем им служил шланг. Хотя, подумал Винни, тоже в некоторой мере роскошь: всем прочим пленникам до них такого не полагалось.

– Мама всегда говорила, – продолжал Эль, – «Главная прелесть жизни в городе – душ».

Уже после этих слов взгляд его снова погрузнел. Винни понимал, какая боль сидит внутри мальчика. Ему тоже было больно, но он, в конце концов, взрослый мужчина, умеющий справляться с эмоциями. А Эль вряд ли, хотя и старается изо всех сил.

– Я, между прочим, пытался с тобой связаться, – поспешил перевести тему Винни.

– Прости, – виновато произнёс Эль, – я не услышал звонка.

– Да нет, я пытался связаться мысленно.

Мальчик недоверчиво глянул на Винни.

– То есть как? Как телепаты делают?

– Именно так, – кивнул тот. – Я передаю мысль на расстоянии, ты её получаешь и передаёшь мне свою. Всё просто, только без проявлений типа слов и жестов. Странно только, что ты не уловил...

Эль смотрел на Винни абсолютно безэмоциональным взглядом, не понимая, что тот имеет в виду. Винни уже понадеялся, что смог отвлечь мальчика от неприятной темы, но мальчик совсем сник.

– Риса тоже так умела?

Мушлам открыл было рот, но подобрать слов утешения так и не смог. Эль потупил взгляд,

– Да, парень, Риса тоже так умела, – кивнул Винни, и после краткой паузы добавил: – И я хочу, чтобы и ты этому научился.

Эль молча глянул на мушлама.

– Попробуй настроиться на меня и попытаться уловить то, что я тебе хочу передать, – Винни поудобнее устроился на кровати. – Как будто я говорю, но очень-очень тихо. Услышь это.

Мальчик послушно сел напротив мушлама. Винни изо всех сил старался думать о чём-то хорошем, но как назло ни одной позитивной мысли не осталось.

Потом из воспоминаний невесомым облачком выплыл смех Рисы, а следом ласковый голос Люмы. Винни тряхнул головой, отгоняя воспоминания прочь. Но на смену тут же всплыла темнота подвала и мерзкий вкус во рту. Мушлама снова затошнило.

Теперь он увидел маленькую девочку с сиреневыми кудряшками, восседающую верхом на белом волке как на пони. Обхватив его шею руками, она пела: «Скачи, скачи всадник».

Винни зацепился за эту песню. «*Hoppe, hoppe, Reiter*», передавал он Элю. Но весёлая детская песня никак не выходила весёлой, потому что разум тут же подкидывал продолжение: «*Mein Herz schlägt nicht mehr weiter*⁴». Эти строчки как жучок-древоточец въелись в мозг, не желая пропадать. Винни злился, и старательно бубнил только первую часть песенки.

⁴ нем. «Скачи, скачи всадник, моё сердце больше не бьётся» – строчка из песни Spieluhr группы Rammstein

Эль терпеливо ждал. Некоторое время он смотрел на Винни, а затем взгляд мальчика стал блуждать по комнате. Неудивительно: сложно держать зрительный контакт, когда пытаешься скрыть то, что на душе.

– Эй, парень.

Винни встал с кровати, подошёл к мальчику и опустился перед ним на корточки.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – негромко, глядя Элю прямо в глаза, произнёс мушлам. – Понимаю, как это больно. Я тоже потерял любимых. Но мы с тобой мужчины. Нужно держаться, жить дальше и помнить, – Винни кулаком коснулся груди мальчика. – Они вот здесь. И всегда будут с нами. Понимаешь?

Мальчик кивнул, отнёс нос тыльной стороной кисти. Мушлам похлопал его по плечам:

– Попробуем ещё раз?

Эль кивнул, и Винни вновь сосредоточился на глупом всаднике. На этот раз строчки пошли гладко, и мушлам уже дошёл до момента, где того съедают улитки, как Эль вдруг встре-
пенулся, будто что-то услышав.

– Что? Что-то есть? – возбуждённо подскочил Винни.

– Да, кажется.

Мальчик пожал плечами, не уверенный, что правильно понял. Мушлам жестом велел говорить, и тот, чуть шмыгнув, пробормотал:

– Ты говорил, что... всё будет хорошо.

В первый момент Винни огорчился, потому что это отличалось от его всадника как Бог от черепахи. Но через миг взгляд чёрных глаз потеплел.

– Верно, Тамагочи. Всё будет хорошо.

Губы Эля тронула хоть и грустная, но всё же улыбка.

(не слышу зла)

4.

Три года спустя

Окна были закрыты тяжёлыми оранжевыми шторами, от чего в комнате витало ощущение тепла. На раскладном диване, зарывшись лицом в подушку, спал беловолосый мужчина. На широкой подкачанной спине алели свежие царапины от ногтей.

Тишину нарушила громкая трель телефонного звонка. Винни, не поднимая головы, взял лежавший на подлокотнике дивана телефон.

– Слушаю, – промямлил он в полудрёме.

– Здравствуйте, герр Вульф, – раздался в трубке женский голос. – Фрау Зоман беспокоит.

Винни наконец оторвался от подушки, поднимаясь на локте. Вот что называется «утро не задалось». Мужчина провёл рукой по волосам, откидывая длинные пряди от лица. Звонок из секретариата не предвещал ничего хорошего.

– Доброе утро, Конни, – Винни встал с дивана, поправил пижамные штаны. – То есть, прошу прощения, фрау Зоман. Опять какие-то проблемы?

– Добрый *день*, – поправила женщина. – Да, если можно так сказать...

Винни сдвинул в сторону занавеску и зажмурился от яркого света. Который вообще час?

– Винсент, мне только что сообщила медсестра, – вполголоса заговорила секретарша, воспользовавшись тем, что прямое начальство вышло из кабинета. – Тео в медпункте. Фрау Мальте хотела отправить его в больницу, но он не согласился.

Винни бросил трубку, так и не узнав, что ещё сказала женщина. Через минуту из подъезда выскочил белый волк и галопом помчался в направлении школы. «Да что же на этот раз?», подумал он, когда пострадавший не ответил на его ментальный зов.

– Как же ты так быстро? – удивилась секретарша Зоман, когда Винни возник в дверях всего лишь семь минут спустя.

– На светофорах был зелёный коридор, – едва заметно перевёл дух Винни. – Где у вас медпункт?

Урок был в самом разгаре, и Винни пронёсся по пустым коридорам. Медсестра фрау Мальте ждала его у дверей, и при появлении мужчины быстро заговорила:

– Умоляю, герр Вульф, не беспокойтесь! С Теодором всё хорошо, мы остановили кровотечение.

– Какое ещё кровотечение? – опешил Винни. Он ещё раз попытался установить связь, но тщетно. – Что вообще произошло?

– Я не знаю, как это вышло, – тараторила фрау Мальте, заводя Винни в кабинет. – Фриц Фельзенхаймер, который привёл Тео, не ответил, а сам Тео не хочет говорить. Я хотела вызвать скорую, но он сказал, вы бывший военврач, и сами всё сделаете...

Фрау Мальте открыла дверь лазарета, пропуская мужчину. Тот буквально влетел в комнату, едва не сбив медсестру с ног.

– Какого чёрта?

Полусидящий на кровати Эль улыбнулся во все тридцать два. Вернее, тридцать один – не хватало правого клыка. На чёрной футболке блестели пятна спёкшейся крови.

– Привет, Винс, – слишком беспечно для пострадавшего приветствовал Эль.

– Твою ж мать, Теодор, – Винни стиснул зубы, стараясь сдержать гнев.

Через полчаса разговора с директором они вышли из школы. Винни казалось, что достаточно будет одного лишнего слова, чтобы он взорвался. Это был уже третий вызов за две недели, и это не только порядком надоело – это подрывало репутацию мальчишки.

Эль же шёл, как ни в чём не бывало. Ветер трепал его золотистые вихры, некоторые пряди которых были выкрашены в малиновый. Почему именно этот цвет, Винни не понимал. На лице мальчишки не было ни капли сожаления или раскаяния, в то время как Винни надеялся на обратное.

– Ну и что в этот раз произошло? – спросил он после неудачной попытки влезть в воспоминания Эля.

– Ничего.

– Директору вашему будешь рассказывать. Я не настолько лох, чтобы поверить в историю про «упал на лестнице». – Эль не ответил, и Винни вполголоса добавил: – Ты, конечно, можешь не говорить. Но тогда я спрошу у Фельзенхаймера.

Эль бросил на него яростный взгляд.

– Уж мне-то он точно расскажет, – заверил его Винни.

– Ладно, – вздохнул Эль, и после небольшой паузы ответил: – Это из-за Фалько.

Винни поджал губы. Фалько Кнехт учился в параллельном классе. Про таких, как он, говорили: «Варежка большая, а толку ноль». До появления Эля он был главным объектом обожания девчонок: ещё бы, самый успешный футболист в местном клубе. А с приходом новенького его рейтинг несколько упал.

Эль, конечно, вырос вполне симпатичным пареньком: светловолосым, с красивыми глазами-аметистами. В тринадцать у него и вовсе случился скачок роста, и теперь он был почти на голову выше одноклассников. Интересно, знают девчонки, что Эль на самом деле обладатель совсем уж «экзотической» внешности, относились бы к нему так же? Но дело-то было вовсе не во внешности, хорошеньких парней пруд пруди. Эля любили за харизму и острый язык.

Фалько, кажется, так и не смог смириться, что какой-то там Теодор Вульф – имя, под которым жил Эль – самым наглым образом отобрал у него часть поклонниц, да ещё и не пожелал прогнуться под авторитет. За это Эль частенько подвергался оскорблениям с его стороны. До рукоприкладства дело до сих пор не доходило.

– Что ему было нужно? – сдвинул брови Винни.

– Ничего, – Эль языком провёл по ране на десне. – Просто он посчитал, что прилюдно назвать меня пидором будет очень смешно.

– И ты ему врезал?

– Не успел. Он был с друзьями.

Вместо долгих разговоров Винни коснулся сознания паренька. По ощущениям как будто дотронулся до мыльного пузыря скользким пальцем, ничего неприятного. Но мальчишка всё же поморщился, скорее от факта того, что опекун так запросто лазит по его голове. А мушламу так было проще: вместо того, чтобы вести долгие разговоры, можно напрямки взглянуть на произошедшее.

...За углом школы двое парней держат Эля за руки так, чтобы он не дёргался. Стоящий напротив темноволосый Фалько замахивается и бьёт парнишку.

– Чё не впервой получать зуботычины, а, пидор? – бросает Фалько сморщившемуся от боли Элю.

Тамагочи поднимает голову.

– Хочешь, поделюсь по-братски?

Миг – и обидчик отшатывается: по лицу его стекает кровавый плевок. Один из удерживающих Эля парней заходится в хохоте, заставляя гримасу на лице Фалько стать ещё омерзительней...

– Оу, – поморщился Винни. – Оригинально, Беатрикс Киддо⁵. А дальше?

– А дальше вмешался Фельзенхаймер со своими, – пожал плечами Эль, пропуская подкол мимо ушей.

– Ну, по крайней мере теперь этот сучонок Фалько запомнит, что у верблюда есть дружки, – хмыкнул Винни. – А почему от медпомощи отказался?

– Решил предоставить дело тебе, – масляным голосом произнёс Эль. – Подумал, кто лучше тебя сможет меня подлатать.

– Так, в чём дело? – Винни замедлил шаг.

– Я тут прикинул: ты ведь можешь сделать всё, что я попрошу, верно? Зуб-то совсем уж пустяк, правда?

– Меньше базара, салага. Чего надо?

– Сделаешь мне золотой зуб?

Мужчина и вовсе остановился.

– Ты что, рехнулся?

– А что? Это сейчас модно.

– С золотыми зубами ходят только рэперы или цыгане, а ты ни то, ни другое. Да ты сам подумай, как это будет выглядеть! Голубой парень с золотыми зубами – жуть какая.

Эль обернулся.

– Да вы расист, дядя Винсент, – хмыкнул он и пошёл дальше, не дожидаясь Винни.

Вот именно за такие огрызания парня бы как следует выпороть! Правда, в таком возрасте нужно быть осторожнее, не то глядишь, перерастёт в девиацию.

Некоторое время они шли молча, пока Эль, то ли погрузившись в себя, то ли что бы завязать разговор, не принялся насвистывать какую-то мелодию.

– Это что, блин, такое? – брови Винни поползли вверх.

– На музыке проходим, – Эль даже не взглянул на него.

– Гимн Люфтваффе?

– «Песня сидра». Проходим на музыке, сказал же.

– И как? Успешно? – Винни зацепился за эту ниточку, чтобы сгладить мелкую стычку.

Год назад парень попробовал себя в игре на ударных. И на удивление втянулся. У Тамагочи было прекрасное чувство ритма, и он со всей страстью отдавался игре. Винни прекрасно понимал, почему: Эль никак не мог найти своё место в жизни. Как бы он ни пытался скрыть это, но он не чувствовал себя комфортно и уверенно. Если ещё пару лет назад он пытался приспособиться к социуму, то теперь как будто наплевал на окружающих и жил как умел. И неудивительно. Винни не раз проводил Элю диагностику чакр – энергетических центров физического тела. Пускай в этом мушлам был не такой дока как Люма – вспомнил, и заныло внутри – но кое-что всё же умел. Первая чакра, которая отвечает за жизненный стержень, у Тамагочи была повреждена. С помощью ритмичной музыки он подсознательно пытался укрепиться в материальном мире, привить уверенность в жизни и самом себе.

– Не совсем, – шмыгнул носом Эль. – Детский сад какой-то: сидеть и дудеть в дудку.

Винни хмыкнул: он и сам не очень-то любил флейту.

– «Дудеть в дудку» – немножко другое.

– Давай, научи меня плохому.

⁵ Беатрикс Киддо (Невеста/Чёрная мамба) – персонаж из фильма «Убить Билла», впадшая в кому после группового избиения; рефлексивно плевалась.

– Тут, думаю, ты и без меня справишься. Да, салага?

Эль бросил на Винни хмурый взгляд. Немудрено: неделю назад мушлам возвращался из магазина и увидел, как мальчишка, стоя в компании одноклассников, выносил сигарете смертный приговор. Увиденное так зацепило Винни, что он даже выронил пакеты.

Другие взрослые на его месте провели бы с ребёнком умную беседу. Кое-кто махнул бы рукой: права детей превыше всего, да и потом, чем бы дитё не тешилось, лишь бы судом не грозило. Другие, но только не Винни. Он не стал церемониться, а просто разбил Тамагочи нос. «Я тебя убью, сучонок! – рычал Винни, встряхивая перепуганного Эля. – Ещё хоть раз – я тебя на части порву!» Вечером нос, конечно, вправили, но осадок остался и у того, и у другого.

– Уж прости, но курить я тебя явно не учил, – ответил Винни на недовольную мину Эля.

– Это дело нехитрое, тут сам научишься. Особенно когда есть время. Особенно по вечерам.

– Ты о чём?

– Самая лучшая часть дня, – продолжал бурчать Тамагочи, – когда ты сваливаешь к своим подружкам. А я остаюсь один в квартире.

– Эй, вот этого сюда не нужно, – резко оборвал его Винни. – Это моя личная жизнь, и не нужно в неё лезть.

– Странно, – всплеснул руками Эль, – курение вроде как тоже часть моей личной жизни. Но за это мне хорошенько втащили.

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я извинился ещё раз?

– За то, что ты такой себе воспитатель? Пожалуй.

Винни не сразу нашёлся, что на это сказать. Когда заговорил, голос его дрожал от гнева:

– Даже не думай жаловаться. Я стараюсь как могу.

– Как может солдафон, – кивнул Эль. – Но у нас тут не учебный корпус. А я люблю понежнее.

Винни поджал губы, заозирался по сторонам. Какая-то часть его была возмущена происходящим. А какая-то...

– Я понимаю, что я уже большой, – Эль пальцами изобразил кавычки, – и мной можно не заниматься. Но, чёрт возьми, Винни. Ты не чужой дядька и не сосед по комнате. И кроме тебя, – мальчишка запнулся, – мне больше не с кем проводить вечера.

– Я ведь не виноват, что ты не умеешь заводить друзей! Умел бы – не сидел в одного...

Мушлам осёкся, но было поздно. Эль окинул его с ног до головы грустным телячьим взглядом, а когда заговорил, Винни показалось, что голос паренька дрогнул.

– Ладно, я понял. Мы – всё, что угодно, но только не семья. А раз мы не семья, то и не лезь ко мне.

Он развернулся и ссутулившись побрёл прочь. Винни вздохнул. Парень капитально обиделся, и обида зрела целую неделю. Если Эль и преследовал цель зацепить мушлама за живое, то ему это удалось.

– А сразу всё это сказать не по зубам было? – окликнул парнишку Винни.

– Я всего лишь пятнадцатилетний подросток, – с горечью отозвался Тамагочи, – и ещё не в состоянии на ходу придумывать то, что ранит тебя побольнее.

Вечером Винни ушёл, не сказав ни слова. Эль выждал минут десять, а затем вышел на балкон. Впереди часы одиночества, и лучшего способа скоротать их было не придумать.

Огонёк зажигалки осветил лицо. Паренёк выпустил изо рта серые клубы. Он бы не начал курить, но таким образом он как бы убивал двух зайцев из одного ружья. Во-первых, желание показаться взрослым перед одноклассниками взяло своё. Вторым было ощущение в процессе затягивания, когда мысли улетучивались, оставляя в голове тишину.

В-третьих, чувство мести. Своим курением он как бы говорил Винни: «Да, у меня тоже есть личная жизнь, и я тоже делаю, что хочу». Эта иллюзия немного заглушала обиду. Хотя Винни нужно было отдать должное: он никогда не уходил на всю ночь, ночевал только дома. Но что проку? То время, когда Элю хотелось быть рядом со взрослым мужчиной, общаться с ним, спрашивать совета, делиться чем-то – именно так, в устной форме, а не через наглое лазанье по менталу! – Винни отсутствовал. Поначалу Эль даже не замечал этого, но мушлам уходил всё чаще и чаще, и пропасть отчуждения между ними становилась всё шире и шире.

Странное какое-то ружьё вышло, трёхствольное...

Балконная дверь открылась так внезапно, что Эль не успел выбросить сигарету – так и застыл с ней в зубах.

– Кот из дома – мыши в пляс? – проворчал вышедший на балкон Винни. – Я решил, что если пару вечеров останусь дома, мир не рухнет.

Пока мушлам доставал из кармана пачку, Эль недоверчиво косился на мужчину, не зная, чего следует ожидать. Вдруг здоровяк сейчас такой никакой, а стоит Элю затянуться, как ему тут же отвесят по первое число? Но Винни и не думал о наказании. Он подкурил, затянулся и на выдохе буркнул:

– С одним условием: я периодически буду прочищать твои лёгкие.

– Это очень неприятно?

– А ты сам-то как думаешь? – полюбопытствовал Винни. Теперь Эль и сам втянул горьковатый дым.

– Пожалуй, не очень. Иначе бы не разрешил.

– Молодец, салага, правильно рассуждаешь.

Они молча стояли, опершись на балконные перила, периодически стряхивая вниз пепел.

– Как ты думаешь, – наконец подал голос Эль, – что если наша жизнь – всего лишь игра?

– То есть?

– То и есть. Как тот симулятор жизни. Что если мы – всего лишь персонажи компьютерной игры? Или книги? Как думаешь?

Винни задумчиво покрутил в руках сигарету.

– Интересная мысль.

– Как думаешь, какой он – тот, кто создал наш мир? – Эль вперился взглядом в темнеющее небо. – Женщина это или мужчина? Создал ли он всё сущее только от безделья или в нас вложен какой-то смысл?

– Может быть, он пытается обрести этот смысл? – предположил Винни. – Создает нас, чтобы найти правильный путь своего развития?

Эль в очередной раз затянулся.

– Кем бы он ни был, тот, кто стоит за созданием этого мира и распределением событий, он меня ненавидит.

Винни удивлённо округлил глаза:

– Что это ещё за теория?

– Сам посуди, – Эль пожал плечами. – В моей жизни всё через задницу. Я стараюсь вопреки всему, но мне как будто крылья подрезали. Не дают прыгнуть выше головы. Что мне ещё остаётся думать? Что на самом деле меня ангелы на руках носят?

Винни не сводил глаз с парнишки. Его сигарета давно прогорела, и теперь тлел фильтр.

– Я только одного не могу понять, – Эль щелчком отправил окурочок в свободный полёт. – За что? Почему именно я? Чем я это заслужил?

Последние слова парнишка произнёс с явным отчаянием. Мушлам зажал фильтр в кулаке. Тот вспыхнул и превратился в пепел.

– А чем по твоей теории мы, мушамы, заслужили то, что наш Бог вообще от нас отказался? – Винни разжал ладонь и сдул пепел. – Если так подумать, то конкретно я совсем не причём. Но отказались и от меня. Почему?

Эль промолчал.

– Может быть, всё в твоей жизни происходит не просто так, – продолжил Винни. – Может, это даётся тебе для чего-то. Потому что только преодолев трудности мы становимся сильнее.

– Сколько же ещё трудностей мне нужно преодолеть? – хмыкнул Эль.

– Кто знает. Пока ты не усвоишь урок. Пока ты не поймёшь, что делаешь неправильно. Пока не станешь сильнее.

Последние слова вызвали у Эля смех.

– Сильнее... Разве мало того, что я уже пережил? – и повторил тихо и грустно: – Разве этого мало?

Мушам вздохнул и молча протянул воспитаннику ещё одну сигарету.

5.

– Вы, наверное, знаете, что подобное дети в Америке проделывают ещё в начальных классах. Конечно, рассмотреть строение организма лягушки вы можете и в учебнике, но я считаю, что лучший источник знаний – ваш личный опыт.

Именно так учитель биологии фрау Дюссе оповестила, что на следующей неделе ученики попробуют себя в роли патологоанатомов. Эль не очень любил биологию, потому не особо слушал учительницу. А когда на уроке во вторник одноклассница Лили поставила перед ним поднос с лягушкой, он сдвинул брови.

– Это ещё что?

– Эксперимент, – завращала глазами Лили. – Ты что, она же говорила!

Эль огляделся. Ещё две девочки разносили по столам идентичные подносы. Он сглотнул и снова повернулся к Лили.

– И что, это обязательно?

– Ну конечно! – удивилась та. – Дюссе же сама сказала: кто не желает принять участие, тот обязан сообщить заранее!

Перед ним на подносе лежала крупная обездвиженная лягушка. Эль сглотнул. Она живая, или всё же её умертвили? Парнишка уже хотел было обратиться к учительнице, сказать, что он передумал участвовать в уроке. Но одноклассники храбро взялись за скальпели, и ему стало неловко признаваться перед всеми в собственной слабости.

Пока фрау Дюссе рассказывала, как нужно держать скальпель, как правильно делать надрез, и под каким углом прикреплять кожу булавками, Эль старался не смотреть на несчастное земноводное. Сидящий рядом с ним Фриц всё время косился на соседа по столу, но спросил, всё ли в порядке, лишь когда тот тяжело задышал. Вместо ответа Эль прикрыл глаза и едва заметно кивнул.

– Пожалуйста, возьмите ножницы, – обратилась к ученикам Фрау Дюссе.

Она предложила подцепить пинцетом кожу на брюшке лягушки и сделать надрез. Эль дрожащей рукой кромсанул бежевую кожу. Фриц с тревогой наблюдал за тем, как сосед, следуя указаниям учительницы, взял скальпель.

Мышцы живота разошлись под острым лезвием. Сердце стучало где-то в горле, каждый вдох давался всё труднее и труднее. Воспоминания трёхлетней давности, которые Эль так старательно пытался спрятать подальше, выплывали на поверхность.

Скальпель... нож для писем...

– Пожалуйста, сделайте надрезы, чтобы можно было беспрепятственно раскрыть мышечные стенки.

Лягушата... родители...

Всё естество Эля противилось. «Я не могу. Я не хочу» Но руки не слушались и выполняли команды учителя. Ему показалось, что его разрывает на две части.

Он... Кейл...

«Я не такой!»

«А может, ты просто не хочешь в это верить?»

Нож для писем... нож для разделки рыбы...

... – Всё чисто, – голос егеря дрожит от накатывающего азарта. – Сделаю её, а потом ещё раз пробегусь по низу.

– Ты уверен, что всё просмотрел? – доносится из его рации.

– Чтоб мне сдохнуть, – шепчет мужчина и замирает. В наступившей тишине он явно различает тихий скрип ступеньки за спиной. Егерь оборачивается и на миг сталкивается с ним, Элем, взглядом.

– Вот дерьмо... – только и успевает произнести он, прежде чем лезвие ножа впивается в сухожилие над пяткой.

Егерь охает скорее от неожиданности, чем от боли, и валится на бок. Эль понимает: промедли он одну секунду, и его растерзают. Пока мужчина не успел подняться, он наносит ему несколько неловкий ударов в бедро. Теперь уже егерь не сдерживается и вскрикивает. Истекающий кровью, он предпринимает попытку дотянуться до мальчишки и свернуть ему шею. Но Эль ухитряется увернуться от рук егеря и всаживает ему нож в шею. Тот замирает, рот наполняется кровью, и егерь давится, обрызгивая мальчика.

Его тело скатывается по лестнице, как мешок. Эль будто не до конца понимает, что произошло. Но сейчас это неважно. Главное, егерь не добрался до мамы...

– А теперь, – голос фрау Дюссе прорвался через пелену воспоминаний, – отведите в сторону мышечные стенки и приколите их булавками.

Эль подчинился. Перед его глазами в хаотичном танце вальсировали картинки: убитый егерь, отец, зажимающий рану в животе, и мама, пытающаяся выбраться из под нависшего над ней мужчины.

Между стенок мышц был хорошо различим маленький пульсирующий бугорок. Сердце.

Эль вскочил с места и рванул прочь из класса под вопрошающий возглас учительницы. Следующие несколько минут были вычеркнуты из сознания, потому что обнаружил себя он уже в туалетной комнате. Дрожащего от слабости, с трудом подавляющего очередной рвотный порыв.

– Bravo, – раздалось за спиной. – Очень эффектно.

В дверях кабинки стоял Фалько с телефоном в руках.

– У нас даже девки так не реагировали, – ухмыльнулся он. – Наверное, только пидоры блюют при вскрытии лягух. Да, пидор?

В другой раз Эль бы ответил. Но не сейчас. Он абсолютно пустым взглядом смотрел на ненавистного парня с параллельного, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Улыбнись, Тео, – оскалился Фалько. – Ты сегодня звезда.

Наутро вся школа узнает, что Теодор Вульф настолько растрогался вскрытием обезболенной лягушки, что не удержал в себе обед. Одна треть учеников будет давиться со смеху, другая треть – жалеть его. Третьи пожмут плечами и продолжат заниматься своими делами.

Когда впоследствии полиция опросит учеников, единственное, что выяснится – Тео, всегда весёлый дружелюбный мальчик в тот день был необычайно тих. Некоторые его однокласс-

ники уточняют: парнишка не просто не желал общаться с товарищами – он буквально кипел от злости. Неудивительно, конечно, но совсем для него не свойственно.

Но Дженни Фишер не расскажет, что на пятой перемене Тео заглянул в спортзал и, пока тренер болтал с завхозом по поводу полетевшего котла в бойлерной, вытащил из инвентарной биты. Луис Закари умолчит, что они вместе с Фалько и его подружкой Мелиссой Зандвайн были за школой: парни курили, а девчонка недовольно сопела, глазами намекая Луису, что он лишний. А сама Мелисса не расскажет, что когда они с Фалько наконец остались вдвоём, и он-таки попробовал на вкус её новый блеск для губ – шоколад и мята, как шоколадки «After eight» – свет загорела чья-то фигура.

– Привет, пидор, – произнёс Тео, делая какое-то утрированное ударение на последнем слове. – Это хорошо, что ты здесь.

Фалько наморщился:

– Это ты мне? Меня назвал?..

Мелисса никому не расскажет, что быстрее своего парня поняла: словесной перепалкой дело не обойдётся, поэтому тут же подскочила на ноги. Её реакция явно удивила Фалько, но и он наконец всё понял, когда долговязый белобрысый парень из параллельного класса достал биту из-за спины.

– У меня для тебя подарочек. Нравится? По тебе размерчик, а?

Мелисса также умолчит, что Теодор направил на неё биту и предостерёг:

– Знаешь, куда я тебе вставлю эту штуку, если сболтнёшь хоть кому-то?

А ещё Мелисса никому не сообщит, что закивала тогда и, не дождавшись приказа убираться, пулей взлетела по ступенькам и бросилась бежать без оглядки, оставляя своего возлюбленного одного. А Фалько Кнехт, когда несколько месяцев спустя снова сможет говорить, не признается, что просил не трогать его, а в ответ услышал лишь:

– Сегодня ты звезда, *Schwanzlutscher*, так что улыбнись.

– Привет, – с порога приветствовал Винни. – Как контрольная?

– Нормально, – буркнул Тамагочи, швыряя сумку на пол.

– Всё в порядке? Ты какой-то разбитый.

– В полном. Я спать.

Даже не взглянув на Винни, мальчишка продефилировал в комнату и хлопнул дверью. Чересчур громко и резко. Мушлам скрипнул зубами: вопреки тому, что он знал о пубертатном периоде у человеческих подростков, он всё равно не ожидал, что это настолько трудная вещь. Эль всегда был спокойным, послушным мальчиком. Никогда не спорил с Винни, и если их взгляды на проблему различались, всегда уступал. Да, некоторое время у них были стычки и недопонимания, но Винни казалось, что всё постепенно пошло на лад. Но вот последние два дня Эль снова вёл себя как-то странно, ненормально странно. Мушлам не до конца понимал, что происходит с салагой, но нутром чуял – что-то совсем нехорошее.

В кармане джинсов завибрировал телефон.

– Винсент, пожалуйста, приди как можно быстрее, – голос школьной секретарши фрау Зоман дрожал. – Это насчёт Тео. Он дома?

– Нет, – не моргнув солгал Винни. – Пока ещё нет. В чём дело?

– Не могу по телефону. Давай скорее. Как ты умеешь.

Винни хотел было разбудить мальчишку и полюбопытствовать, что тот опять натворил. Но решил всё же сначала разобраться со школой. Приставить Тамагочи к ответу он всегда успеет.

Беспокойство усилилось, когда его встретила белая как мел Конни Зоман. Она толком ничего не сказала, лишь качала головой да встревоженно поглядывала на Винни. Только у две-

рей кабинета директора женщина пробормотала: «Я не хочу в это верить». Стоит ли говорить, что эта фраза не придала Винни уверенности ни на йоту? А когда он увидел, что в кабинете кроме директора присутствовал ещё и полицейский, душа вовсе рухнула куда-то в пятки.

С каждой проведённой в кабинете секундой волны нервного напряжения, проходящие через тело мушлама, становились всё сильнее и чаще. Директор сообщил, что Фалько Кнехт был избит бейсбольной битой и сейчас находился в реанимации. Бывшая с ним Мелисса Зандвайн отнекивалась, говоря, что она провела с ним буквально пару минут и никого постороннего не видела. Единственную зацепку – битую, которую взяли из спортзала – полиция забрала для снятия отпечатков.

Винни кивал, сжимая зубы. Внутри всё клокотало. Его Эль бы так не поступил, нет. Это против его правил. Кто угодно, но только не он!

Загвоздка была в том, что кто-то из учеников якобы видел Тео, который тёрся возле инвентарной на перемене, как раз когда на Фалько напали. Полицейский же несколько раз подчеркнул, что ни на что не намекает, просто хочет предупредить: Тео пока единственный подозреваемый. Он бы запросто потребовал от Винни данные о егл подопечном, но приправленные гипнозом увещевания мушлама заставили полицейского отпустить опекуна до выяснения обстоятельств.

«Куда, мать твою, мы катимся, салага?»

Возле школы собрались группы учеников, обсуждая случившееся. В толпе школьников Винни заметил Фельзенхаймера. Завидев дядюшку своего одноклассника, паренёк тут же протиснулся к нему.

– Что они сказали? – спросил он приглушённым голосом. – Они поняли, что это Тео?

Ну вот, как земля из-под ног ушла.

– Что значит «поняли»? Фриц, ты что-то знаешь? Скажи мне.

Фельзенхаймер хоть и не сразу, но всё же сознался.

– Ты уверен? – Винни тряхнул подростка за плечи. – Фриц, ты точно ничего не путаешь?

– Что я, Тео с кем-то спутаю? – горько усмехнулся Фельзенхаймер, и Винни с горечью отметил: это он ещё не видел Эля во всей его красе. – Только вот он был какой-то странный. Обычно перекидывается парой слов, даже если в плохом настроении. А сегодня нем как могила. И выглядел как-то... не как обычно. Не знаю даже. Как будто не в себе.

«Не в себе, – думал Винни, возвращаясь домой. – Чёрт возьми, салага, что происходит?»

Дома он первым делом возвёл барьер – защитное поле, скрывающее от посторонних присутствие хозяина. Теперь, если к ним явится полиция, квартира будет видаться абсолютно пустой.

Эль спал, лёжа лицом в подушку. Обутый. Винни подавил желание разбудить его и допросить. Сначала нужно успокоиться: в таком состоянии он ещё чего доброго убьёт мальчишку. Пускай проснётся и сам всё расскажет. Обложившись сигаретами, мушлам устроился в кухне и стал ждать.

Тамагочи проспал до утра, а Винни глаз не сомкнул. Чем больше он думал, тем больше злился. Всю ночь проходил по кухне туда-сюда, и к утру так себя накрутил, что его трясло от гнева.

– Ты что-то рано, – зевнул Эль, выходя из комнаты. – Вообще не ложился, что ли?

Винни не ответил, побоявшись сорваться и зарычать. Он лишь сжал кружку с кофе так, что та хрустнула. Мушлам поспешно ослабил хватку и восстановил структуру пострадавшей.

Эль принялся заваривать цикорий, а мушлам про себя отметил, что мальчишка выглядит измождённым и уставшим. Будто и не проспал шестнадцать часов кряду. В подтверждение его мыслей, Тамагочи потёр лицо и простонал:

– Отвратительное состояние. Ещё и башка трещит.

– Ещё бы, столько дрыхнуть, – буркнул Винни.

Эль опёрся на кухонную столешницу, глядя на мушлама поверх чашки.

– С одиннадцати часов не так уж и много, – произнёс он миролюбиво.

– Так ты что, вечером ещё и в «нинтендо» проторчал? Даже не удосужился из комнаты выйти?

– В каком ещё «нинтендо»? – вытаращил глаза Эль. – Мы же с тобой смотрели «Техасскую резню». Кстати, – он сделал глоток, – этот фильм всегда был таким мерзким, и я просто этого не замечал?

Теперь пришёл черёд Винни тарашиться на мальчишку:

– Какой нахрен фильм? Ты прикалываешься, что ли? Это было позавчера.

Эль нахмурился, буркнул что-то вроде «смешно, очень смешно» и вышел из кухни. Винни подпёр голову рукой. Неужели Тамагочи и вправду причастен к тому, что случилось с Фалько Кнехтом? Если он сейчас просто прикидывается дураком, то выходит как-то чересчур тупо.

Эль переодевался. Винни встал в дверях комнаты, скрестив руки на груди.

– Так как прошла контрольная? – поинтересовался он, пытаясь проникнуть в сознание Эля.

Парень прищурился, и Винни натолкнулся на ментальный блок. Дальше Тамагочи его не пропускал.

– Она сегодня, – буркнул в ответ Эль. – Что это с тобой? Ты как-то начал перескакивать через дни.

Винни издал глухое утробное рычание.

– И вообще, перестань лазить в мою голову без разрешения. Ходишь уже как к себе домой.

Эль попытался выйти из комнаты, но Винни сильным толчком прижал его к стене.

– Твою же мать, салага! Я тебе шею сверну!

Парнишка за словом в карман не полез и отправил мушлама в долгое эротическое путешествие. В ответ на пожелание Винни обернулся человекоподобным волком почти трёх метров росту, лапой пригвоздил подростка к стене и клацнул мощными, как у крокодила, челюстями:

– Открывай ментал!

– Эй, т-ты чего? – пролепетал Эль, отворачиваясь подальше от острых, как бритва зубов. – Что на тебя нашло?

– Немедленно, – чётко проговорил каждое слово Винни, – открывай свой чёртов ментал. И только попробуй утаить от меня что-то, я тебе...

Он не стал уточнять, что конкретно сделает, но это было бы лишним. Эль, часто дыша, кивнул: спорить с мушламом в таком состоянии бесполезно. Всё так же прижимая Тамагочи лапой, Винни надавил на его сознание. То поддалось, и Эль, чуть прикрыв глаза, вздрогнул. В другой раз мушлам бы пошутил, что не все проникновения бывают приятными, но сейчас на пошлые шутки не было времени.

Винни словно в ускоренной перемотке пробежался через день Тамагочи. Начало оказалось вполне себе стандартным, а затем он дошёл до эпизода с лягушкой. Мушлам на себе почувствовал ту гамму эмоций, которая накатывала на воспитанника. Ощущал его боль и панику. На миг он вспомнил мальчишку в замызанной робе, изгибающегося в приступе истерики, и сердце сжалось от жалости.

А картинки мелькали дальше, и теперь Винни с тревогой наблюдал за разбитым воспитанником, который с трудом досидел до конца уроков. Вечером, во время просмотра фильма Эля постоянно передёргивало, один раз даже затошнило. Надо же было так умело скрыть произошедшее! Обычно Винни, стоило только заподозрить неладное, сразу аккуратно прошупывал парня, но тут...

И всё же это было не то, что он искал.

– Это позавчерашний день. Показывай, что было вчера.
– Старик, ты гонишь? – Эль попытался вывернуться, но его тут же вдавили в стену. – Это и был вчерашний день!
– Ты что, меня развести пытаешься?! – рявкнул Винни.
– Да чтоб мне сдохнуть! Стой, перестань! – вскрикнул Тамагочи, когда челюсти щёлкнули в паре сантиметров от его лица. – Клянусь: не понимаю, что ты хочешь! Это было вчера! Вчера!
Винни выстроил в сознании Эля события последней недели в ряд, как кадры из киноплёнки. Непонятно, как это было возможно, но выходило, что то действительно было вчера. Он отпустил паренька, и тот медленно сполз по стене.
– Что на тебя нашло? – пролепетал Эль.
– Не знаю, – отозвался Винни, вновь обращаясь мужчиной. – Либо у меня едет крыша, либо ты меня капитально разводишь, и я пока просто не догоняю, как ты это делаешь.
Эль непонимающе тарасился на него. Мушлам провёл рукой по лицу, вздохнул.
– Вчера кто-то до полусмерти избил этого твоего Фалько. И подозревают тебя.
Брови Эля поползли вверх.
– Мало того, к делу привлекли полицию, – продолжал Винни. – И если вскроется, что это действительно ты...
Тамагочи медленно, неверяще покачал головой:
– Нет. Я не... Ты же сам видел... ведь видел?
– Видел, – Винни упёр руки в боки. – В том-то, ять, и дело, что видел. Чертовщина какая-то...
Оба молча стояли некоторое время, глядя друг на друга. Наконец мушлам вынес вердикт:
– Знаешь, салага... Давай-ка ты посидишь дома, пока мы не разберёмся, что к чему.

6.

Целый месяц Винни наблюдал за Тамагочи. Парень безвылазно сидел дома, и в те редкие случаи, когда всё же выходил в город, мушлам сопровождал его в виде волка. Если они шли по улице, Винни возводил вокруг Эля барьер, скрывающий его от посторонних глаз. Если заходили в помещение, подсадной пускал в ход гипноз: продавцы, кассиры и просто встречающие люди буквально через минуту забывали, что вообще видели худощавого подростка в сопровождении огромной псины.

А спустя неделю после их «внезапного» переезда в Цвикау в арсенале мальчишки неожиданно появились новые гаджеты: два телефона (один даже новомодный смартфон с двумя камерами) и «ПиЭсПи». Винни готов был поклясться своей шкурой: он не то, что не давал Тамагочи столько карманных денег – у того не было возможности скопить сумму, достаточную для покупки столь дорогих вещей. Эль был обескуражен не меньше, когда мушлам прямо призвал его к ответу. Ничего не добившись разговорами, Винни додумался считать энергетику «обновок». Опасения его подтвердились: вся техника оказалась краденной. Мушлам установил контроль над энергополем квартиры, работающий по принципу камеры наблюдения, и инциденты прекратились.

Параллельно с игрой в слежку Винни осторожно, миллиметр за миллиметром, прошаривал сознание Эля в поисках зацепок. Он никак не мог взять в толк, что происходит. Мушлам раз за разом сканировал гиппокамп салаги, просматривая информацию о появлении ворованных вещей. Но всё было чисто: все дни напролёт Тамагочи находился под неустанным контролем, ночами спал без просыпа. А наутро внезапно обнаруживалось нечто, чего вечером и в помине не было.

«Как такое вообще может быть? – вращалось в голове Винни. – Он не может скрывать и блокировать воспоминания, я бы понял. Я бы заметил...»

И наконец щёлкнуло. Месяц спустя при очередном просмотре сознания мальчишки Винни нашёл то, что частично пролило свет на происходящее: чёрный кластер в воспоминаниях. Настолько тонкий, напоминающий плёночку на мякоти листа, что без пристального изучения и не заметишь. Винни начал разбирать каждый из странных эпизодов и обнаружил, что подобный кластер имеется в каждом из них. Но что бы он ни делал, как бы ни бился, проникнуть внутрь не мог. На воспоминания словно замок повесили, и сделай это сам Эль, Винни сломал бы защиту без особого труда (погрешности в виде истерических припадков не в счёт). Но здесь доступ словно заблокировал другой человек, и без его разрешения мушлам не мог войти.

«Может, хоть ты мне поможешь?», безмолвно вопрошал он у навороченного смартфона, пытаясь сообразить, какой запрос вбить в поисковую строку. Но выискивать мельчайших молекулы запаха в воздухе было проще, чем пытаться выудить нужную информацию из Интернета.

– Ты мне не веришь?

– Почему ты так думаешь?

Эль замялся, сжав в кулак край старой растянутой футболки. Этот совсем незначительный жест придал ему вид растерянного ребёнка, и у Винни на миг сжалось в груди: совсем как его маленькая Риса, испугавшаяся ночной грозы и прибежавшая к своему лохматому защитнику. Мушлам быстрым движением задвинул краденый смартфон под диванную подушку и выдал слабое подобие улыбки:

– Не переживай, салага. Всё будет нормально...

– Я не вру, – дрогнувшим голосом вставил Эль, и Винни поспешил заверить:

– Знаю, Тамагочи, знаю. Всё в порядке. Мы со всем разберёмся.

Решение загадки, витающее перед ним в воздухе, рассыпалось на части, оставляя больше вопросов, чем ответов.

Дверь с шумом открылась, и полноватый полицейский, герр Липпе, буквально втолкнул мальчишку в КПЗ.

– Мелкий пиздюк, – яростно прошипел «бычара», закрывая решётку. – Как же ты меня задрал. Сиди тут, пока не решу, что с тобой делать.

Липпе ещё раз окинул взглядом долговязого подростка в драных джинсах и футболке с несуразным принтом. Этот придурок пытался вытащить из кассы в Альди приличную сумму денег, а когда к магазину подъехала полиция, рванул бежать так, что натренированные сотрудники поймали его, только перехватив в какой-то подворотне. При задержании оказал сопротивление: вцепился державшему его полицейскому в шею, и оторвать его смог лишь удар шоке-ром.

Сейчас же малолетний выродок сидел за решёткой, зло поглядывая на Липпе и его коллегу, молча взявшегося за оформление протокола.

– И как всегда же, под конец смены! Ещё и малолетка! – пробурчал Липпе, со всей дури зарядив дубинкой по железным прутьям. И вдруг обратился к дежурному: – Иди-ка ты, попей кофе, Майк. А я его оформлю.

– Серьёзно? – оживился офицер. – Супер! Тебе тоже взять?

– Ага, возьми мне земмель с камамбером и двойной латте. Потом скажешь, что я тебе должен.

– Ничего не должен, я угощаю!

«Засоситесь ещё», едва слышно фыркнул сидевший за решёткой пацан, краем глаза наблюдая за полицейскими. Он держал руки за спиной так, чтобы не было видно жёлтый пистолет, больше похожий на детскую игрушку, чем на грозное оружие, под шумок утянутое у офицера Липпе.

Наконец дежурный закончил с метанием бисера и вышел. В отделении воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием рации.

Пора.

– Как скоро меня отпустят?

Липпе хмыкнул, не отрываясь от протокола:

– Что, домой к мамке под юбку захотел? Ничего, вот щас составим всё как надо, и позовём её, чтоб шла забирала своего дерьмосынка. Так, удостоверения при тебе не было... Диктуй давай фамилию.

– Хамарш.

– Хамарш... турок, что ли?

– Ага, – оскалился белобрысый, – турок. По папеньке.

– Хамарш, – записал дежурный. – А имя?

– Лекми.

Липпе внёс в графу имя, уточнил дату рождения. Пробежал глазами по графам:

– Ну что, Лекми Хамарш... – он запнулся, глянул на задержанного. – Ты что, пиздюк, прикалываешься⁶?

Пацан не удержался и заржал. Липпе скрипнул зубами, но с места не поднялся.

– Смейся-смейся, пока можешь, – ядовито произнёс он. – Скоро придёт Фойст, и если до того момента не расколешься, возьмём биоматериал на ДНК. И поверь: в этом ну очень мало приятного, и имячко твоё в любом случае всплывёт, орёл. Так что хочешь не хочешь, а жопа всё равно гореть будет.

Дежурный достал новый лист протокола, не заметив, с каким ехидством зыркнул на него подросток. Кому нужно брать ДНК, тратить огромные деньги на анализ, чтобы выяснить, кто его мама и папа? Хороший способ на дурака запугать подростка, который наверняка не разбирается в таких вещах. Максимум, что его ждёт – дактилоскопия, которая сдаст и его имя, и его рожу с потрохами. Парнишка подошёл в решётке камеры, вцепился в прутья.

– А ты pomoжешь мне сдать биоматериал?

– Чего? – не понял полицейский и поднял глаза на заключённого.

– Я сам не справлюсь, рука устанет.

Белобрысый говнюк прижался к решётке и, пристально глядя на полицейского, провёл языком по металлическому пруту.

– Да ты охренел...

Липпе вскочил со своего места и чуть ли не бегом бросился к камере. А мальчишка, будто того и ждал, отступил к стене и завёл руки за спину.

– Я тебе живо мозги на место вставляю, – прорычал дежурный, отпирая решётку.

– Давай, не заставляй меня ждать, – проорчал белобрысый, вытаскивая из-за пояса джинс канареечного цвета электрошокер.

Эля разбудила сильная головная боль. Дремлющий в его ногах лохматый волк пошевелил головой, но сон не разжал своих объятий. Паренёк сел в кровати и принялся тереть виски руками. Помогли манипуляции мало, и Эль сполз с кровати. Едва отрывая ноги от пола поплёлся на кухню, где во втором выдвижной ящике справа хранился ибупрофен, заботливо забытый очередной мушламовой подружкой на ночь.

Эль не любил фильтрованную воду, слишком уж долго приходилось ждать, пока угольная кассета пропустит через себя очищенную живительную влагу. Но вода в Цвикау была на удивление жёсткой, с таким количеством извести, что сложно было понять, вода в стакане или же замоченные овсяные хлопья. Пришлось терпеть, пока кувшин не наполнится. Острая боль

⁶ Игра слов: Лекми Хамарш созвучно с *Leck mich am Arsch* (нем. Поцелуй меня в задницу)

обострила все чувства, и Эль отчётливо различал, как подхватившая пилюлю вода скользит по пищеводу в желудок.

Парнишка вернулся в кровать и лёг звёздочкой. Глаза всё ещё резало от яркого кухонного света, и Эль зажмурился, мысленно отгоняя кружащиеся перед глазами звёздочки – фантомные отпечатки электроламп. Тишина вновь заставила его сконцентрироваться на ощущении самого себя и приступа боли. Она начиналась где-то за правым глазом и продолжалась до самого затылка. Будто в глазницу вставили раскалённый железный прут. Скорее бы уже всё прошло!

«А ты ускорь процесс. Просто приставь пистолет к голове, и...»

«Щёлк», подумал Эль и вдруг замер, широко раскрыв глаза. Предыдущая мысль была не его. Он так не думал.

«Нет? Кто же тогда?»

Точно, слишком громко для мыслей. Больше похоже на телепатическое общение. Эль взглянул на Винни. Это ведь не мог быть он?

«Брось, конечно, нет. Эта шавка не смогла бы и муху прикончить, не то, что подкидывать тебе суицидальные мысли».

Эль сглотнул. Что за хрень?

«Только не говори, что никогда раньше меня не слышал, – продолжал вещать голос в голове. Его собственный. – Ну, что ж, придётся напомнить».

Перед глазами тут же промелькнула череда картинок, услужливо подкинута памятью-проектором. Вот отчаявшийся Эль с ножом в руках крадётся по лестнице следом за егерем. А вот маленькая девочка тайком от родителей выводит его погулять в сад. Наконец, мальчик, чьих родителей только что убили, пытающийся спрятаться в чёрном подвале. На каждом из воспоминаний фоном слышен его собственный встревоженный голос: *«Надо бежать! Чёрт с ними, остальными. Мне нужно бежать!»*

«Тогда ты не хотел слушать, – в голосе звучал яд. – Но теперь-то уж точно не сможешь меня игнорировать».

– Я очень рада, что вы решили обратиться за помощью. Многие люди пускают такие вещи на самотёк, не понимая, что с вопросами психики так поступать нельзя.

Женщина в белом халате – имени её Винни не запомнил – сцепила пальцы рук в замок. Мушлам кивнул, ловя себя на мысли, что ни разу не предполагал, что с Тамагочи может быть что-то настолько не в порядке. Сам Тамагочи сидел бледной поганкой, ожидая диагноза как смертного приговора.

– После всех проведённых обследований, тестов и личной беседы я смогла определить направление, в котором нам предстоит работать. Теодор, – чуть более ласковым голосом позвала врач, – ты сказал, что периодически слышишь голоса в голове.

– Один голос, – поправил Эль будто ступал по минному полю. – Один конкретный голос.

– Хорошо. Напомни, пожалуйста, он именуется как-то?

– Никак. Просто говорит, и всё.

Разговор тянулся как жвачка, так что Винни не выдержал и храбро перенял на себя роль детонатора. Да пусть уже всё подорвётся к чёртовой матери, только побыстрее!

– И что в итоге? – нетерпеливо спросил мушлам. – Что это такое?

– Подобное происходит при сильных психологических потрясениях, – врач сняла очки. – Теодор говорил, что у него были некоторые трудности пару лет назад. Я считаю: то, что с ним сейчас происходит, является крайним проявлением одного из механизмов психологической защиты, при котором...

– Я не псих, – пробормотал Эль, уставившись в одну точку.

– ...человек примеряет ситуацию не на себя, а как бы на постороннего. И вследствие этого происходит так называемое расщепление Эго.

– Я не псих.

– Человек не может вспомнить информацию о себе, например, то, что он делал вчера. Его поведение может со стороны казаться метанием из крайности в крайность: либо всё хорошо, либо очень плохо. Подчеркну: это возникает без воздействия психотропных веществ.

– Я ведь не псих, да? – едва слышно спросил Эль. – Скажите, что это не так!

– Это не так, – мягко ответила врач. – Вернее, не совсем так. У тебя диссоциативное расстройство идентификации, проще говоря...

Разгадка запустила цепную реакцию, в итоге подорвав не только подростка-сапёра, но и его верного Джильбарса.

– ...раздвоение личности.

– Благодарю. Ещё кофе?

– Спасибо, Винсент, это очень любезно с твоей стороны.

Рыжеволосая женщина, сидящая за столиком, едва заметно поправила серёжку в ухе. Винни жестом подозвал официанта, сделал заказ.

– Сколько, ты говоришь, у Тео было специалистов? – улыбнулась женщина, когда собеседник вновь повернулся к ней. – И почему они отказывались работать?

– Уже двое. И они не отказывались. Это я их отмёл.

Признание вызвало у собеседницы искреннее недоумение. Отказаться от медицинской помощи, когда ситуация критична?

– Понимаешь, Лиза, – Винни взял её за руку, и щёки женщины тронул едва заметный румянец, – мне порой хватает одного взгляда на человека чтобы понять, хороший он или не очень. Так вот, я не очень хочу доверять своего племянника людям, которые, скажем так, гниловаты изнутри.

– Ты и меня насквозь видишь? – Лиза подпёрла подбородок рукой, обнажая белоснежные зубки. – И какая же я?

– Ты очень хорошая, милая и красивая девушка, – улыбнулся в ответ Винни, поглаживая её пальцы.

Женщина опустила глаза и, смущённо улыбнувшись, поправила волосы. Обычно мушкетёру не приходилось прилагать особых усилий, чтобы привлечь на себя внимание женщин. Галантный, учтивый и необыкновенно харизматичный. Мог бы быть мифологическим инкубом, но родился кобелём со слишком уж животным магнетизмом. А вот животные его как раз побаивались, чуяли, кто прячется в овечьей шкуре.

– И ты со мной вовсе не потому, что я специалист в этой области?

– Клянусь тебе, – Винни не сводил с неё пристального взгляда чёрных глаз, – это чистой воды совпадение.

Лиза убрала руку. В этом жесте не было злого умысла, лишь чистое без примесей женское кокетство.

С Лизой Винни познакомился около трёх недель назад. Рыжая, тонкая, она в первый же миг напомнила ему Люму. С ней было не как с другими. Не так забавно и бурно, но в этом и была прелесть его отношений с Люминэль: медленно, неторопливо, но в финале обязательно обещали звездопад. Вот только его звездопад закончился, толком не успев начаться.

– Думаешь, я ему понравлюсь? – Лиза заправила за ухо выбившуюся прядь.

– Думаю, да, – Винни поймал себя на том, что не ответил «знаю».

С Элем нельзя было знать, быть уверенным в чём-то на все сто. В этот раз его реакция тоже была неоднозначной. Стоило мальчишке понять, что парочка вот уже несколько минут

наблюдала за ним, стоя в дверях гостиной, как он тут же перестал играть. Он тряхнул головой, откидывая волосы со лба, снял наушники и буркнул:

– Чего? Я концертов не даю.

– А мне очень понравилось, – широко и обезоруживающе искренне улыбнулась Лиза. – Ты большой молодец.

«Ещё бы», фыркнул Эль, откладывая палочки в сторону. Прелесть жизни с мушлом заключалась хотя бы в том, что он способствовал поддержанию отличной звукоизоляции. Соседи не слышали ни звука, долби на барабанах хоть всю ночь напролёт. Что, собственно, Эль и делал в последнее время, когда приступы мигрени не давали спать. На удивление игра на ударной установке приносила некоторое облегчение, видимо, соматическое.

– Тео, познакомься, – Винни приобнял подругу за плечи. – Это доктор Лиза Хелмке.

Эль перевёл взгляд с женщины на своего друга.

– Я что, теперь должен любить её как родную тётушку?

– По-почему? – растерялась Лиза, и Эль тут же пояснил, всё так же обращаясь к Винни:

– Я же не совсем идиот, дядя Винс. В нашем доме в кои-то веки появляется женщина, весьма приятная внешне.

«Внутренне наверняка тоже», раздалось ехидное в голове мушлама, и мужчина скрипнул зубами. И всё же заставил себя широко улыбнуться.

– Ты очень мил, Тео, – *«Тебе конец, салага»*. – Доктор Хелмке очень заинтересовалась твоим случаем и выразила желание помочь. Я бы на твоём месте не демонстрировал свою неотёсанность. По крайней мере, не сразу.

– У меня есть пример для подражания, – беспечно парировал Эль. «И что ты мне сделаешь? Посадишь под домашний арест?»

Лиза взглянула на Винни: во всём её виде читалась неловкость. А Эль наконец удостоил вниманием новую знакомую и протянул ей руку:

– Здравсте. Я – Тео Вульф.

– Рада познакомиться. Твой дядя очень много рассказывал о тебе, – тут же подхватила разговор женщина, и уголки губ Винни дрогнули: суций ангел.

– Действительно, о чём же ещё рассказывать, – натянуто улыбнулся Эль. – Дядя Винс меня, видимо, очень любит. Души во мне не чаёт.

Винни в ответ на реплику скривился.

– Значит, вы мой новый врач. Что ж, я очень рад, – без энтузиазма сообщил Эль, исподтишка поглядывая на Винни. – Даже больше – искренне рад, что в этот раз дядя лично занялся отбором.

– Снова его волшебная способность видеть людей насквозь? – рассмеялась Лиза.

Мушлам снова ощутил на себе ехидный взгляд. Пора бы увести тему в другое русло.

– Будешь чай? – предложил он.

– Ой, нет, спасибо. Кофе было вполне достаточно.

– Да ладно, доктор Хелмке, чашка чая никому не повредит, – с каким-то отчуждённым обречением поддакнул Эль.

– Вы на меня прямо с двух сторон напали, – хихикнула Лиза. – Ну, раз вы оба так настаиваете, то не посмею отказаться!

Винни подхватил женщину под локоток и проводил на кухню. До Эля донёсся озорной смешок доктора Хелмке, а потом зашумел чайник и скрыл от его ушей лишние звуки. Лишь немой вопрос *«Что скажешь?»* коснулся сознания парнишки.

«Скажу, что это уже было когда-то, – вздохнул Эль, вставая из-за установки. – Ты что, решил найти ей замену?»

«Кому – ей?»

«Не придуривайся! – Тамагочи даже зубами скрипнул. – Я про твою Люминэль. Ты вроде как говаривал, что у тебя это раз и на всю жизнь».

«*Всё правильно. Ну и?*»

«Теперь все твои подружки будут похожими на неё?»

Эфирное поле между ними натянулось: Винни решал, стоит ли говорить с подростком-психопатом на столь личные темы. Обычно у мушлама был на всё готов ответ и он строил телепатическими сигналами как из автомата. В этот же раз Эль успел по пластунски подтянуться на диване повыше, свернуться калачиком и закрыть глаза изгибом локтя.

«*Так совпало*», наконец сообщил Винни, и Эль тут же телеграфировал:

«Не рассказывай. За всё время у тебя ни разу не было рыжей. Все твои дамы сердца, да и не сердца тоже, были максимально далеки от образа. И тут – Лиза. Просто копия... – парнишка помедлил, поточнее припоминая мушламу-лисицу из призрачного прошлого. – Ладно, плохая копия, но тем не менее. Ты что, решил забыть её?»

Эль ждал, что мушлам разозлится за подкол, но тот ответил просто «*Нет, не решил*». То ли оставил обиды на потом, то ли разделял мнение воспитанника. Тамагочи перевернулся на спину и устался взглядом в потолок.

– Что тогда? – уже вслух спросил он, чтобы услышать в ответ:

– Она нужна мне.

Возникший в дверях комнаты Винни вздохнул и провёл рукой по лицу, словно стирая с него лишние эмоции. Кто именно был нужен, Эль не стал уточнять. Лишь невесело усмехнулся:

– Главное только имена не перепутай. Будет неловко.

Диван изо всех сил качнуло локальным землетрясением. Потеряв точку опоры, парнишка рухнул вниз, преобольно ударившись лбом о пол.

– Хорошо пошутил, молодец, – обиделся Винни. – Возьми с полки пирожок и тащи свою тощую задницу на кухню.

– Не боишься, что я пожалуюсь новой тётушке, что ты меня бьёшь? – проворчал Эль, потирая ушибленное место.

– Уверен: после начала сеансов она тоже втянется в рукоприкладство, – пообещал мушлам, ставя точку в перепалке.

...Винни рукой проводит по запотевшему зеркалу. В такие моменты он обычно вспоминает время в учебке, где слово «душ» приравнивалось слову «роскошь». Всё-таки изобретение водопровода и нагреватель – одно из величайших достижений человечества.

Мужчина критично рассматривает своё отражение. Всю жизнь ему было наплевать на внешний вид: для второсортных пацанят-мушламов зубы и голова на плечах важнее мордашки. Но с тех пор, как его нанял хозяин Драхенфельса, пришлось пересмотреть этот пункт: девочки не любят лохматых неухоженных псов.

Особенно девочки постарше.

После горячего душа коридоры замка кажутся ледяными. Благо, природа наделила мушламов способностью контролировать температуру своего тела. В этом они превосходят людей: нейроны головного мозга при гипертермии не повреждаются, поддерживая тепло верхних покровом тел, являясь по сути эдаким термосом для внутренних органов.

От мыслей Винни отвлекают колебания воздуха. Едва заметные, будто бабочка пролетела. Но мушлам воспринимает их всем телом. Он замирает, вглядываясь в темноту коридора. Кому не спится? В этот же миг ноздри улавливают тонкий, но явственный ориентир: темнота вокруг пахнет вишней. Повинуясь этому чарующему аромату, Винни тут же меняет направление.

Незримый шлейф ведёт его за собой как собачку на поводке, зовёт в столовую, где звонко трещат поленья в камине. Сидящая у огня Люминэль расчёсывает длинные медно-рыжие волосы.

Винни останавливается на пороге. Женщина старательно делает вид, что не замечает его присутствия. Но миг – и кончик её лисьего хвоста, прикрывавшего обнажённые щиколотки, дрогнул, будто пальцем поманил. Мушлам послушно приближается и садится на пол позади мушламы.

– Не спишь? Так поздно?

Он не может понять, спрашивает ли Люминэль или констатирует факт.

– А что, следишь за мной?

– Вовсе нет, – безразлично отвечает лисица. – Просто тебя сложно не заметить.

Некоторое время мушламы молчат. Люма принимается чесать пушистый хвост. Она настолько сосредоточена на этом, что как будто бы забывает о присутствии Винни.

Мужчина же не стесняясь рассматривает её, отмечая, что впервые видит Люму с распущенными волосами. Шелковое кимоно, лишь легонько стянутое пояском, не скрывает стройных ног мушламы. Отсветы огня явно очерчивают ложбинку на груди.

Обычно строгая и собранная Люминэль, показавшись Винни в таком виде, будто посвятила его в свою интимную тайну.

Мушлама оборачивается и, обнаружив волка улыбающимся, произносит лишь сухое «Что?». Винни обводит кончиками пальцев контур её лица.

– Ничего, – шепчет он в ответ.

Губы Люмы едва заметно вздрагивают, не решаясь отразить улыбку. Восприняв это как сигнал, Винни проводит рукой по её плечу, освобождая его от шёлка кимоно. Прикасается сомкнутыми губами к обнажённой коже, но не целует. Это всё же заставляет Люминэль улыбнуться.

Винни медленно подаётся вперёд, вынуждая Люму лечь, опираясь на локти. Напряжение лисицы слышится в её дыхании, отражается в её глазах, чувствуется в усиливающемся аромате вишни. Мушлам развязывает пояс и разводит полы кимоно, медленно и торжественно, будто совершая мистический ритуал. Люма не сопротивляется, но внимательно следит за каждым его движением.

Очередное полешко громко треснуло, не выдержав напора языков пламени.

– Что, так и будешь смотреть? – спрашивает Люминэль.

Вопрос звучит слишком спокойно, но Винни-то знает, какая смесь чувств бушует в груди мушламы. «Буду», беззвучно отвечает он. В отсвете огня обнажённое тело мушламы выглядит так, будто выточено из янтаря. Винни чуть прикасается к животу Люмы, и та вздрагивает. Пальцами он скользит вниз, очерчивает пупок женщины.

– Встань, – внезапно просит он.

Мушлама вскидывает брови, но всё же послушно встаёт. Кимоно соскальзывает с её плеч, мягкими складками ложась на пол. Повинуясь беззвучной просьбе Винни, Люма плавно покачивая бёдрами прохаживается перед ним. Хвост её от каждого шага колышется словно роскошный шлейф, с шерстинок которого скатываются золотистые искры.

Всё это время Люма непонимающе смотрит на Винни. Она ожидала самого логичного и никак не могла предположить, что её просто будут рассматривать, так бесстыдно и неприкрыто. Не нужно быть мушломом, умеющим читать мысли. Достаточно быть мужчиной, чтобы понять её смущение. Винни жестом подзывает её к себе.

– Какая ты красивая, – произносит он, глядя на неё снизу вверх.

Глаза лисицы расширяются, вспыхивают напуганным огнём. Люма отшатывается как от удара хлыстом, но Винни обвивает рукой её колени, не давая сбежать. Он прижимается щекой к её ногам, чуть тянет женщину на себя, и она покорно опускается возле него на колени.

– Что ты делаешь? – растерянно бормочет она.

Ей всё кажется, что вот-вот он набросится на неё, не спрашивая позволения. Но он лишь с улыбкой рассматривает её обнажённое тело. Это пугает и сбивает с толку.

– Любуюсь.

Мушлама удивлённо хлопает ресницами. Винни веселит её смущение, но он не позволяет себе улыбнуться. Вместо этого притягивает женщину к себе, скользит руками по её спине, талии, бёдрам.

– Мне перестать?

Люминэль качает головой.

В любой момент может проснуться хозяйка и позвать его. В столовую может войти кто-то из начальства или коллег. Может, может, может... Винни сейчас не волнует ничего. Только млеющая под его руками женщина, которая, кажется, до сих пор не верит, что у него всё очень серьёзно...

– Винс, ты почему не спишь?

Лиза потёрла сонные глаза, устраиваясь поудобнее у него на плече. Кажется, он слишком громко вздохнул.

– Не спится, – признался Винни, обнимая женщину.

7.

– У тебя много друзей?

На работе фрау доктор Хелмке всегда серьёзная. Все входящие в её кабинет на время приёма переставали быть друзьями и становились пациентами.

Эль глянул на неё как на дуру: сама-то она как думает? Много ли друзей может быть у того, что постоянно кочует с места на место?

– Дело только лишь в этом? – уточнила Лиза и чуть подалась вперёд. – Пойми: я не смогу помочь тому, кто не хочет, чтобы ему помогли. Тео, мне нужно, чтобы ты поговорил со мной.

Парнишка уставился в потолок и вздохнул.

– О чём мне с вами разговаривать? – он как будто рассуждал вслух. – Что если я с кем и общаюсь, то только по переписке? Что я боюсь проснуться и узнать, что вытворил очередную фигню? Что оборвал связь с большинством старых друзей, а заводить новых не вижу смысла?

– Выходит, что ты в основном общаешься только с дядей, – качнула головой врач. – Тебе разве не хочется разнообразить свою повседневность? Не бывает так, что ты чувствуешь себя одиноко?

Эль закрыл глаза и грустно усмехнулся.

– Фрау доктор, по сути я только так себя и чувствую последние четыре года.

– А как же Винсент? С ним тебе тоже одиноко?

Парнишка сцепил руки в замок. Ему было сложно разговаривать с Лизой. Не потому, что она была неприятна ему или могла всё выболтать Винни, вовсе нет. Просто сложно было абстрагироваться от того, что с женщиной, пытающейся навести порядок в его голове, он периодически сталкивался по утрам в своём доме. И в такие моменты она была отнюдь не в белом рабочем халате.

– Знаете, – негромко заговорил он, – это как две стороны монетки. С одной всё хорошо: друг, с которым всегда весело, есть чем заняться. А с другой – ощущение, что это всё какое-то поверхностное. Как будто мне весело только снаружи, а внутри полный мрак. Понимаете?

– Думаю, да, – кивнула Лиза. – Скажи, Тео, ты бываешь по-настоящему радостным?

Эль сел. Он глубоко задумался и пустым взглядом вперился в пространство перед собой. Через минуту медленно, неуверенно покачал головой:

– Кажется, нет. Да и поводов особо не бывает, – добавил он после очередной паузы.

Лиза промолчала, давая подростку возможность принять то, что он только что осознал.

– Я понимаю, твоя рана очень глубокая и очень болезненная. Понимаю, как тебе тяжело, особенно когда этой ране не дают затянуться и периодически расковыривают. Но и ты пойми: всё зависит от твоего отношения к этому процессу. Если ты не будешь воспринимать вторжения в твою жизнь как попытку нанести новое увечье, то оно и не принесёт боли. Измени своё отношение к жизни. Поверь: всё, что с тобой происходит, нацелено не на то, чтобы тебя раздавить. А на то, чтобы сделать сильнее.

Эль внимательно слушал, глядя Лизе прямо в глаза. От этого взгляда женщине сделалось неловко, и она поёжилась.

– Лиза, – в голосе юноши появились хриплые нотки, – скажите. Не как врач, а как человек. Вы верите в Бога?

Доктор Хелмке растерялась. Она не ожидала, что подросток заговорит с ней об этом. О чём угодно – начиная проявлениями суицидальных мыслей, заканчивая сексуальными фантазиями. Но не о вере.

– Скажем так, – улыбнулась она. – Я верю в человека.

– Значит, в Бога вы не верите?

Лиза поджала губы, но не ответила. Парнишка всё прекрасно понял без слов.

– А если ваша вера в человека иссякнет, в кого тогда вы будете верить?

И на это женщина не нашлась, что ответить. Эль понятиливо кивнул.

– Вы говорите, что всё происходящее направлено на то, чтобы сделать меня сильнее. А кем оно направлено? Человеком? Или в таком случае Богом? А если Бога нет, то кем тогда?

Теперь пришёл черёд доктора Хелмке вслушиваться в каждое слово сидящего на кушетке подростка.

– Вся наша жизнь – это просто набор случайных событий, – Эль скрестил руки на груди, – и ни на что они не направлены. Это как игра в кости: кому-то везёт, и он уверенно продвигается к финишу, а кому-то достаются только единицы и двойки. Вот и всё. Поэтому в этом случае ваша теория о том, что всё направлено на мою прокачку, ошибочна.

– А сам-то ты, Теодор? Ты веришь в Бога?

Юноша побарабанил пальцами по предплечью.

– Нет, не верю.

Губы женщины тронула улыбка, но уже через секунду исчезла, будто её и не бывало. Потому что Эль закончил мысль:

– Он не оправдал моего доверия. Я ждал, что уж Он-то не отвернётся от меня, не оставит в беде. А вышло всё совсем наоборот.

– То есть, ты тоже не веришь, что Бог существует?

– Разве я это сказал? – вскинул брови Эль. – Я верю... нет, знаю, что он существует. Но вот в него самого, в его силы, в его, – он помедлил, подбирая слово, – милость – нет. Не верю.

Лиза вглядывалась в лицо подростка. Было в нём в этот миг что-то такое, что заставило врача взглянуть на него не как на юного пациента.

– Ты рассуждаешь о таких вещах, о которых люди в твоём возрасте даже не задумываются, – заметила она.

Эль грустно хмыкнул.

– Поверьте, я с радостью бы задумался о чём-нибудь другом. О чём принято думать парням в моём возрасте. Но как-то всё сводится к одному.

– Тебя не посещают суицидальные мысли?

– Ну что вы, конечно нет, – невесело рассмеялся Эль. – Они со мной живут.

– Ему необходимы друзья.

Женщина стояла у окна, наблюдая за вышедшим из подъезда Элем. Долговязый юноша в чёрной куртке шёл сутулясь, будто под тяжестью падающего снега.

– У него есть я.

– Ты не понимаешь, Винс, – Лиза обхватила себя руками. – Ему нужно общение с такими, как он. Сверстниками. Противоположным полом. Ты вспомни себя в его возрасте. Что тебе тогда хотелось?

Винни и вспоминать не нужно было. В шестнадцать лет ему подробно объяснили, что его жизнь ничего не стоит и может оборваться в любой момент непослушания, и общения со сверстниками как раз хотелось меньше всего.

– И что прикажешь мне делать? За шкирку водить его на танцульки? Или насильно заставлять знакомиться с девчонками?

Лиза задумчиво закусила ноготь большого пальца, сосредоточившись на удаляющейся фигуре Эля. Заговорила она лишь когда парнишка скрылся за углом дома.

– У моей подруги есть дочь, ей как раз четырнадцать. Я могла бы поговорить с ней...

– Вот здорово, – Винни встал с кресла, в котором всего пятнадцать минут назад сидел Эль. – Теперь ты из психотерапевта решила переквалифицироваться в сводню?

– Да ты что! – засмеялась Лиза. – Я просто могу попросить её сходить с нами в город, посидеть где-нибудь. Глядишь, и сдружатся.

– Тео будет не в восторге, – предупредил её Винни. – Будь уверена.

– Ничего, – Лиза подошла к нему, подставляясь под объятия. – Это для его же блага. Поворчит немного, а потом ещё «спасибо» скажет.

– Ты плохо знаешь моего племяша. Если ему что-то не понравится, он обязательно выкинет какой-нибудь фортель. Помяни моё слово.

Эль разглядывал девочку, сидящую напротив. Та смущённо улыбалась, опуская глаза. Салага цокнул языком и демонстративно откинулся на спинку стула.

«И чья же это идея?», ментально поинтересовался он у Винни.

«Никак не мог отказать женщине», – мушлам придиричливо ковырялся в тарелке. – *Пре-дупреждал же, что она начнёт бить...*»

– А ты сам откуда?

– Чего? – переспросил Эль.

Девочка недовольно поджала губы: он что, её совсем не слушает?

– Откуда ты? – повторила она. – Мы вот два года назад переехали из Мюнхена.

Эль потянулся за стаканом воды. Благо, его спутница не усмотрела в этом желания потянуть время.

«Ты бы спросил у Ханны, что она хочет на десерт».

«Ханна – это её так зовут?»

«Не завидую твоей будущей подружке – ты тот ещё джентльмен. Даже не удосужился её имя запомнить», Винни исподлобья глянул на мальчишку, даже не пытаясь подавить улыбку: пусть Лиза думает, что он рад за племяша.

– Я из Англии, – вернулся к разговору Эль. «Даже не думай усомниться в моей чуткости». – Мы с дядей переехали в Германию пару лет назад.

– Никогда бы не сказала, – оживилась девочка. – Ты так чисто говоришь на немецком!

– С детства его учу. Мы часто переезжаем, и здесь мы обосновались совсем недавно... Ханна, – Эль потёр затылок, – что бы ты хотела к чаю?

Лиза едва заметно толкнула Винни локтем, улыбнулась, словно говоря: «Видишь? Я знала, что всё получится». Мушлам пожал плечами, но скептической улыбки с лица не убрал.

– Ну, – Ханна кокетливо пожалала плечами, – мне очень нравится «Энгадин».

Эль было встал, но Лиза его опередила.

– Сиди-сиди, – поспешно вскочила она. – Мы с Винсем сходим. Да?

– Я вообще-то ем, – попытался протестовать Винни, но Лиза уже тянула его за собой.

– Вы общайтесь, – женщина улыбнулась обоим подросткам. – А мы скоро.

Эль проводил их взглядом. Убедившись, что Винни и Лиза отошли на достаточное расстояние, он наклонился к Ханне и быстро спросил:

– Как они тебя сюда затащили? Что тебе сказали?

Девочка растерялась и захлопала глазами, глядя на Эля как на умалишённого. Но тот уже схватил Ханну за руку, придвинулся ближе и заговорил:

– Тебе нужно уходить. Понимаешь, дело такое, – он обеспокоенно глянул на буфет, где старшие ждали заказа. – Лиза – очень хорошая, замечательная женщина. К ней вопросов никаких нет и быть не может.

По выражению лицу девочки стало понятно, что вопросы теперь всё же были.

– Но вот тот человек, который называется моим дядей, – продолжал Эль, – он мне не дядя вовсе. Это мой опекун. И поверь, он нехороший человек.

– Что ты такое говоришь? – пробормотала Ханна, отодвигаясь подальше.

– Он ищет таких вот девочек как ты. Думаешь, почему мы так часто переезжаем? Чтобы не нашли! Мной просто очень удобно прикрываться: сказал, что племянник хочет познакомиться, и дело в шляпе. Я, конечно, получаюсь пособником в этом деле. – Эль опустил голову, сжал губы. – Только мне нельзя иначе! Если откажусь ему помогать... он же меня убьёт!

– Убьёт?! – ужаснулась девочка, испугавшись явно не за Эля.

– Конечно! Ты знаешь, как он меня избивал? – голос парня дрогнул. – А я и сделать ничего не мог. Раз сбежал из дома, так... – он потёр рёбра там, где они всё ещё должны были болеть. – Всё бесполезно. И сказать никому не могу. Боюсь, что...

– Ты точно не врешь?

Ханна предприняла последнюю попытку. Эль по-телячьи грустно глянул на неё и покачал головой.

– Они все тоже не верили. Ладно, – он откинулся назад. – Я предупредил, а там дальше... по крайней мере, совесть у меня чиста.

Эль говорил так искренне, и смотрел на неё так обеспокоенно, что девочка сдалась. Она бросила быстрый взгляд на буфет, как бы проверяя, сколько у неё есть времени на побег.

– А как же ты? – быстро спросила она.

– Мне-то не привыкать, – Эль заёрзал на месте. – Иди, я придумаю что-нибудь.

Ханна подхватила сумку, ещё раз пробежалась взглядом по кафе.

– Спасибо, – проговорила она, подавшись к Элю. – Я твой должник.

Девочка вскочила из-за стола. Голоса посетителей заглушили её поспешно удаляющиеся шаги. Эль фыркнул, подпёр голову рукой. «Наколоть меня вздумали?», пробормотал он, рассеянно болтая водой в стакане.

– Ханна! – услышался голос Лизы. – Ты куда?

«Прости, Ханна».

– ...да всё совсем не так! Ханна, я бы никогда... Винсент очень хороший! – донеслись до него обрывки разговора.

– Хороший? Почему тогда его племянник говорит обратное?! Что он маньяк, педофил, избивает его...

Люди в кафе затихли, прислушиваясь к перепалке. Эль отвернулся, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

«Это ты от моих побоев синий?», поинтересовался Винни: в его телепатическом голосе больше не было ни намёка на ехидство.

«Угу, – Эль сделал глоток, задним умом побаиваясь, что захлебнётся от приступа смеха. – Ты тот ещё садист. В хвост и гриву меня...»

– Это неправда! Просто у Тео некоторые проблемы со сверстниками, и я подумала, что ты можешь мне помочь...

– Проблемы? Он ещё и аутист?!

Эль зажал рот рукой и зажмурился, пытаясь сдержать рвущийся наружу хохот. Знала бы Ханна, что у него кожа такого цвета, наверное и вовсе молча сбежала бы как от чумного.

– Во все нет! У него просто эмоциональные перепады, понимаешь?

– То есть он псих? Вы позвали меня, чтобы я развлекала психа?! Вот почему он несёт такой бред! Ну, спасибо, Лиза! Огромное!

Хлопнула дверь.

– Меня как дерьмом облили, – пробормотала Лиза, глядя вслед Ханне. – Всё ведь было нормально! Что это за прикол такой?

– Это то, о чём я предупреждал, – пояснил Винни, стараясь не глядеть на буравящих их взглядами людей. – Если ему что-то не нравится, он из штанов выпрыгнет, чтобы тебя переиграть.

Лиза обернулась, нашла глазами Эля. Тот наконец справился с рвущимся наружу смехом, широко улыбнулся фрау доктору и поднял заздравный стакан воды.

– Я хочу опробовать с тобой ещё один тренинг, – доктор Лиза поставила на столик рядом с собой стакан воды, наполнила его почти до краёв. – Ты ведь знаешь, что большинство людей боится неизвестности...

– Смерти, – ввернул Эль. – Винс говорит, самый главный страх всего живого – смерть. А неизвестность подразумевает смерть.

Лиза многозначительно глянула на паренька, и тот пожал плечами. Воистину люди любят быть правыми.

– Я согласна с твоим дядей. Но согласись, когда у какого-то объекта или процесса есть имя, оно уже не так пугает.

– Ну не знаю, – снова пожал плечами Эль. – Моя... подруга боялась грома, и ей было всё равно, как это называется.

Доктор осушила сразу половину стакана. Интересно, он стал пуст или полон? Хотя какая, по сути, разница? Как ни посмотри на любое событие, всё равно найдётся тот, кто докопается до твоей точки зрения.

– Тео, такое свойственно детям, но мы с тобой взрослые люди, – с укором произнесла доктор Хелмке, с шумом ставя стакан на место. – Ты ведь понимаешь, что взрослые и дети мыслят немного иначе?

– Откуда вы знаете, что я говорил о ребёнке?

Лиза запнулась. Винсент просил не выдавать, что ей известно о маленькой девочке, подруге детства племянника. Она тряхнула головой, немного взъерошивая волосы, и как можно спокойнее ответила:

– Это же очевидно. Ты сказал: она боялась. Значит, сейчас не боится. Либо этот страх был проработан, либо она просто переросла. Я решила, что всё же второе. Страх грома не такая уж большая проблема.

Эль сжал губы и скривил рот. Выходит, шакал всё же не сдержался и выболтал. Вот и чего потом удивляться, что Тамагочи никому не доверяет?

– Согласись, ведь куда легче побороть свой страх, когда ты знаешь: странные скрипы по ночам издаёт не полтергейст, а трубы, по которым пускают воду. А страшные очертания за окном – всего лишь качающееся от ветра дерево.

«Или егеря пришли за твоей шкурой».

– Поэтому я хочу предложить тебе познакомиться со своим страхом. Что ты скажешь?

Эль сердито глянул на доктора Хелмке. Со своим страхом он очень хорошо знаком, куда ещё лучше?

– До сих пор ты говорил, что знаешь, как он звучит. Это голос в голове, верно? – Лиза придвинулась на край кресла. – Может, ты сможешь увидеть, как он выглядит?

– Голос-то?

– Попробуй облачить его в форму, – предложила доктор. – Подумай, как должен выглядеть обладатель этого голоса. Визуализируй его. Попробуем?

Эль вздохнул. Она ведь, наверное, когда-нибудь наиграется?

– Ну ладно, – не особо радостно ответил парнишка. – Давайте.

По указанию доктора Хелмке он удобнее устроился в пружинящем кресле, откинул голову на спинку. Прямо над головой его с потолка свисал блестящий мобиль. Солнечные лучи отражались от его металлических граней, пуская зайчиков по стенам. Малейшие колебания воздуха приводили его в движения, и он легонько вращался. Лиза только начала объяснять, как будет проходить сеанс гипноза, а Эль уже устал смотреть на подвеску и лениво моргал.

Когда доктор Хелмке начала процедуру, произнося фразы, заставляющие расслабиться и сконцентрироваться одновременно, парнишка буквально поймал себя на храпе. Было бы очень неловко.

У Винни выходит лучше. Мягче. Он смотрит тебе в глаза и буквально проникает под кожу, внушает свои мысли и заставляет искренне верить, что никто иной не мог бы вселить в тебя такие думы, лишь ты сам.

И всё же...

– Открой глаза, – голос Лизы донёсся до него как через плотную завесу. – Это то место, где живёт твой страх. Какое оно?

Чёрное. Есть какое-то обозначение абсолютной темноте? Мрак? Нет. Первородная Тьма. Да, именно. Тут пусто как в вакууме. Хотя нет, тут есть звуки. Похоже на... жужжание?

– Тебе страшно здесь?

Нет, вовсе нет. Я не боюсь этого места. Оно мне хорошо знакомо, хоть я и не помню, откуда. Вот только жужжание... Не пугает. Сбивает с толку. Я скорее боюсь последствий, чем его самого.

– Это ничего, – мягко произнесла доктор Лиза. – Не нужно бояться тьмы. Помнишь легенду о Святом Мартине?

Как можно не помнить. «Фонарик, фонарик, огненный мой шарик, свет во тьме яви, ярче звёзд свети».

– Внутри тебя есть свет, Тео. Разожги его поярче. Разгони Тьму, и ты увидишь: за ней не прячется ничего страшного.

Хорошо, как скажете. Не обжечься бы. Вы знали, что мухи боятся света? Я тоже не знал. Эти вот боятся. Стойте... нет, это не мухи. Хорошо подошло бы слово Ничто. Пустота. Только очень густая, вязкая. Как будто решившая стать чем-то.

«Я бы на твоём месте не стал этого делать. Ты ведь совсем не хочешь знать, чего на самом деле стоит бояться».

– И что же это, Тео?

Тяжело глотать, горло как будто перехватило. Подожди, я сделаю ярче...

«Ты играешь с огнём. Потом будешь громко плакать».

– Тео?..

Почему я больше не чувствую себя большим? Я снова маленький мальчик. Который держит в руке яркую звёздочку – свой внутренний Свет. Так должно быть?

«Конечно. Потому что в конце концов ты всего лишь мальчишка, маленький и ничтожный».

Моя звёздочка горит как фиал со светом Эарендила⁷, загоняя тьму – не первородную, ту густую и жужжащую – в угол Пустоты. Тьма тягучей каплей опускается на пол – какой абсурд, у Пустоты нет границ. Что это за оранжевые огоньки?

– Облеки свой страх в конкретную форму, Тео, – велела Лиза настойчиво, веря, что методика сработает. – Как он выглядит? Вели ему! Как хозяин велит джинну в лампе! И дай ему имя!

«Ты ведь понимаешь, что назад дороги не будет?»

Приказываю тебе принять форму! Я – хозяин своего страха, и ты будешь слушаться меня!

«Слушаю и повинуюсь», отозвалась Тьма с усмешкой.

Эль широко распахнул глаза и как ужаленный подскочил с кушетки. Не успели Лиза даже охнуть, как тот вылетел из кабинета и метнулся в туалет. Женщина подождал немного, а затем всё же решила справиться, всё ли в порядке.

– Теодор, что ты... Пророк Всемогущий, что с тобой?

Эль склонился над раковиной, тяжело дыша, и с его мокрых волос ручьём текла вода. Доктор Хелмке коснулась его плеча, но парнишка тут же оттолкнул её руку.

– Тео, что случилось? Тебе плохо?

Тамагочи не ответил. Ничего не сказал он и Винни, пришедшему за незадачливым племянником. Лиза удалилась сделать чай, а мушлам опустил на корточки перед сидящим на диване Элем и щёлкнул пальцами перед самым его носом.

– Эй, салага, – настойчиво позвал он. – Лиза ушла. В чём дело?

– Это всё... новая методика, – пробормотал Эль, глядя прямо перед собой. – Увидел то, чего не нужно было видеть.

– Что ты увидел? – вопросик мушлам; парнишка не ответил, и тот снова щёлкнул. – Что ты увидел, Тамагочи?

Эль наконец-то взглянул прямо в глаза Винни. Ему не хотелось ментально передавать картинку момента, когда наконец-то появился обладатель голоса. Когда Тьма сформировалась в фигуру человека и шагнула ему навстречу. Когда он точно так же не мигая уставился в глаза самого себя.

«Так дай же мне имя», прошипела Тьма в голове, растягивая губы в широкой улыбке.

– Терранса, – на выдохе ответил Эль. – Я видел Терранса.

Уже два месяца Эль принимал антидепрессанты. Транквилизаторы делали его вялым, и от обычно светящегося радостного мальчика не осталось ни следа. Винни наблюдал за безразличным ко всему Тамагочи, и сердце сжималось от боли: как ни крути, это был его мальчик. Жалко лишь, что мушлам понял это так поздно. Он всеми силами пытался развлечь Эля, но паренёк лишь смотрел на него грустным телячьим взглядом и выдавливал жалкое подобие улыбки.

⁷ Эарендиль – Венера, любимая звезда эльфов во вселенной Дж.Толкиена

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.